А. Е. Снесарев

ПИСЬМА С ФРОНТА

1914–1917

• КУЧКОВО ПОЛЕ •

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Военные мемуары (Кучково поле)

Андрей Снесарев

Письма с фронта. 1914–1917

Издательство «Кучково поле»

2012

УДК 86-2
ББК 84Р1-4

Снесарев А. Е.

Письма с фронта. 1914–1917 / А. Е. Снесарев — Издательство «Кучково поле», 2012 — (Военные мемуары (Кучково поле))

ISBN 978-5-9950-0170-6

В данном издании впервые публикуются фронтовые письма выдающегося русского военного философа и теоретика, геополитика, востоковеда и географа, героя Первой мировой войны Андрея Евгеньевича Снесарева (1865–1937). В его письмах представлена широкая панорама исторической драмы народа и армии в годы великой войны. Это удивительные документы, исключительно правдивые, окрашенные чувствами и мыслями ученого-энциклопедиста, непосредственного участника, наблюдателя и аналитика бурных исторических событий. Письма представляют интерес для профессиональных военных, историков и всех, кто не равнодушен к истории нашего Отечества, жизни и творчеству его выдающихся деятелей, к числу которых, несомненно, относится А. Е. Снесарев.

УДК 86-2
ББК 84Р1-4

ISBN 978-5-9950-0170-6

© Снесарев А. Е., 2012
© Издательство «Кучково поле», 2012

Содержание

Гордость Академии 6
Герой Войны и Герой Труда 8
Письма с 27 июня по 22 октября 1914 года в бытность начальником штаба 2-й казачьей Сводной дивизии 21
Письма с 31 октября 1914 г. по 11 октября 1915 г. в период командования 133-м пехотным Симферопольским полком (34-я дивизия VII корпус 8-я армия) 37
Конец ознакомительного фрагмента. 55

Андрей Снесарев
Письма с фронта. 1914–1917

© Снесарев А. Е., 2012
© Кучково поле, 2012

Гордость Академии

За более чем 170-летнюю историю военной Академии Генерального штаба в ней училось много молодых офицеров, которые затем показали образцы служения Отечеству.

В их большом и славном строю заметно выделяется Андрей Евгеньевич Снесарев (1865–1937). Его отличает сочетание качеств боевого офицера и выдающегося ученого. Их он проявил уже во время службы в Туркестанском военном округе в 1899–1904 годах. В эти годы штабс-капитан Снесарев совершил путешествие в Индию, изучил все сопредельные с округом страны, освоил языки многих народов Средней и Южной Азии, написал около сотни научных статей и ряд фундаментальных трудов, в их числе «Северо-Индийский театр: военно-географическое описание».

В 1905–1910 годы подполковник, а затем полковник Снесарев показал себя прекрасным генштабистом, стратегическим разведчиком во время службы в Генеральном штабе. Одновременно он активно занимается научной и педагогической деятельностью, участвует в работе ряда обществ: востоковедов, географическом, ревнителей военных знаний, публикует много статей и рецензий, а также ряд книг. Он выступает с лекциями в родной Академии.

В 1910–1914 годах полковник Снесарев – в армейском строю, начальник штаба Сводной казачьей дивизии на границе с Австро-Венгрией. В этой должности его и застает Первая мировая война. Что представляла собой эта война на ее Юго-Западном фронте очень интересно описано в письмах и дневниках Андрея Евгеньевича. Три месяца он был начальником штаба Сводной казачьей дивизии, за боевые дела был представлен к Георгиевскому оружию и другим наградам. Потом блестяще в течение года командует пехотным полком, с которым заслужил первый Георгиевский орден, возглавляет штаб пехотной дивизии, командует пехотной дивизией, затем – штаб корпуса, снова командует дивизией и за проявленный талант получает второй Георгиевский орден, и в завершающий период войны возглавляет армейский корпус. Итак, три Георгиевские награды за войну. Всю войну Снесарев, окопный полковник и генерал, остается человеком науки. Письма написаны им в фронтовой обстановке, но каким образным и прекрасным языком! Их личная сторона удивительно поучительна и интересна для любого читателя, особенно для профессионального военного.

События 1917 года, Февральская революция, разложение тыла и армии описаны в письмах правдиво, с большой душевной болью, в них много пророчеств, сделанных на основе глубокого знания истории. А сколько точных оценок известных исторических лиц! Письма – это кладезь для военных историков и для военной науки вообще.

Все последующие трагические и драматические страницы отечественной истории генерал-лейтенант Снесарев пережил вместе со своим народом. Он принципиально не оставил свою Родину. Он стал помогать ей строить новую армию, создавал Северо-Кавказский военный округ, командовал 16-й армией, а в 1919 году его назначают начальником Академии Генерального штаба РККА. По существу, за два года он воссоздает Академию, а после этого до 1930 года удивительно плодотворно трудится на педагогическом и научном поприщах. Герой Войны становится Героем Труда. Им создано большое количество ценных научных трудов, у него и по нему учились многие полководцы и военачальники Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Мы, командование, профессорско-преподавательский состав и слушатели Академии гордимся Андреем Евгеньевичем Снесаревым. Для всех нас он является примером служения своему Отечеству. За последние годы Академия много сделала, чтобы ввести в научный оборот его творческое наследие, опубликовать сохранившиеся рукописи и другие документы. И вот дело дошло до его писем и дневников. В них сочетаются личные чувства и глубокие научные, в том числе крупные философские мысли. Они обогащают и просвещают, вселяют надежду.

Генерал-полковник В. Чечеватов
Герой Войны и Герой Труда

Герой Войны и Герой Труда

Фронтовые письма и дневники Андрея Евгеньевича Снесарева частично уже публиковались в разных изданиях[1] Выборка делалась в зависимости от направленности этих изданий и интереса к той или иной теме. Но полностью они еще не публиковались никогда. Хотя личность А. Е. Снесарева требует именно полной публикации всех материалов, оставленных им потомкам. Он представляет собой мыслителя такого национального масштаба, жизнь, деятельность и творчество которого должны изучаться особо тщательно. Так поступают все страны и народы, которые помнят и чтут выдающихся людей всех периодов своей истории.

К сожалению и стыду в нашем отечестве, завязшем в политико-идеологических спорах, разрушительной внутренней борьбе, переоценках своей истории и роли действовавших на ее авансцене выдающихся личностей, крайне мало общепризнанных героев и пророков, т. е. людей с сильной волей и чистой совестью, большим и светлым умом, особенно тех исторических периодов, которые попадают в немилость власть предержащим. Это неверно, несправедливо и чрезвычайно ущербно для состояния и развития народного духа.

Рыцари Добра были, есть и будут во все времена. Только известность их не всегда соответствует общественно-политической конъюнктуре. Когда в результате дегероизации больших исторических периодов таких людей становится мало, то блекнет история и сереет текущая народная жизнь, что и наблюдается в современной России. Почему такое происходит? Стихийно или, может быть, какие-то скрытые силы и выполняющие их волю персонажи умышленно этого добиваются? Если первое, то пора остановиться, осмотреться и сделать выводы. Если второе, то зачем идти на чужом поводу? Такого рода вопросы мучили автора публикуемых писем и дневников очень остро в 1917 году. Его суждения на эту тему, как и на многие другие, представляются очень интересными и актуальными.

Историю творят не одиночки, а народные массы. Но их творчество во многом зависит от того, кого они признают своими героями и учителями жизни. Подлинных властителей поступков и дум высоких нельзя надолго утвердить искусственно, а истинных – свергнуть или затереть. Когда такое случается, то первых неизбежно свергают с пьедесталов, а вторых – снова открывают и отдают им должное и черпают у них вдохновение и силы для укрепления своей воли и просветления ума.

Андрей Евгеньевич Снесарев принадлежит к плеяде именно таких людей по своим качествам и по сложившейся судьбе. Уверен, что читатель, который внимательно прочтет его фронтовые письма и дневники, согласится с этим выводом. Высокая степень уверенности в этом и подвигла научно-методический центр отечественной стратегии Военной академии Генерального штаба ВС РФ опубликовать полностью его творческое наследие, включая фронтовые письма и дневники.

Подготовка писем к публикации сделана с разрешения и при непосредственном активном участии внуков А. Е. Снесарева: Комиссаровой (урожденной Снесаревой) Анны Андреевны, Андрея Андреевича и Марии Георгиевны Снесаревых. В составление именного указателя большой вклад внес известный русский военный историк Кавтарадзе Александр Георгиевич.

Как было отмечено, общественные заслуги человека и его известность не всегда совпадают. Происходит это по разным причинам: в силу неблагоприятного стечения обстоятельств, идеологической и политической предвзятости, низкого профессионализма в работе средств массовой информации и т. д. По отношению к А. Е. Снесареву проявилось сочетание всех

[1] Московский журнал. 1996, № 8; 1997, № 1; Философия войны. М., 2003; Афганские уроки: выводы для будущего в свете идейного наследия А. Е. Снесарева. М., 2003; Военно-исторический журнал. 2003, № 8–11, 2004, № 3, 4, 6–11; Наш современник. 2004, № 8.

причин подобного рода. В период 30–50-х годов о нем почти ничего не писали за исключением отдельных ни на чем не основанных отрицательных оценок. Только в 1960-е годы появляются первые публикации, основанные на научных исследованиях.[2]

В последующие годы число публикаций о жизни и творчестве Снесарева стало расти, о нем стали писать не только в газетах и журналах, но и переиздавать его труды и публиковать сохранившиеся рукописи. И все же до настоящего времени он известен не так широко, как этого заслуживает выдающийся ученый, национальный Герой Войны и Герой Труда. То и другое звание было ему присвоено государством.

Еще до Первой мировой войны Снесарев стал известным ученым, успешно складывалась и его военная карьера. О многих эпизодах довоенной жизни и творчества Андрей Евгеньевич упоминает в публикуемых письмах. Но без знакомства со всем ходом его жизни читателю будет сложно понять некоторые описываемые им эпизоды. Поэтому кратко остановимся вначале на его довоенной биографии.

Родился Андрей Евгеньевич Снесарев 1 декабря (по старому стилю) 1865 года в слободе Старая Калитва Острогожского уезда Воронежской губернии в семье священника. Отец Евгений Петрович и мать Екатерина Ивановна были людьми духовными не только по положению, но и по складу души. Семья была многодетная, Андрей был вторым ребенком. Дети росли в условиях скромного достатка, но с большой заботой родителей о формировании их духовного мира.

Ценности, воспитанные в семье, были восприняты Андреем Евгеньевичем как незыблемые нравственные императивы для всей последующей жизни. Об этом он, будучи уже штабс-капитаном и начальником Памирского отряда, пишет в 1903 году любимой сестре Клавдии (Кае). Она считала, что ее брата, широко образованного офицера, проявившего себя хорошо не только в службе, но одновременно также в науке и искусстве, ждет генеральская карьера и женитьба на избраннице из знатных кругов. В ответ на такого рода суждения сестры Андрей Евгеньевич пишет: «*И мне думается, что если я действительно пойду далеко, то с какими странными гаданиями будут следить за моей работой и движением мои скромные родственные углы, и придет ли им в голову тогда, что при всей внешней оболочке во мне, как деятеле, будет жить тот же попович, по старым приемам решающий дела и в уголках своего генеральского сердца носящий те же скоромные прошлые идеалы: идеалы университета, лишь слегка поправленные опытом, идеалы камышевского дома, пойманные со слов отца и матери… И не будут они тогда наделять меня теми поступками и решениями (вроде женитьбы на графине), [которые] так мало вяжутся с моими понятиями блага в этом мире… И теперь мало ли у меня данных для крикливых проявлений моей власти, а между прочим, мне не приходит в голову блажь удостоверять других, что я власть имущий человек, и мне дороже всего признание моих заслуг, не утонченное внимание со стороны офицеров, а случайно, напр[имер], дошедшее до меня известие, что меня нижние чины зовут «отцом родным» и что когда я уезжаю для объезда других постов, они скучают по мне и нет конца их вопросам, когда я приеду…*» Читая фронтовые письма А. Е. Снесарева, убеждаешься, насколько он был верен своим идеалам, неизменно оставаясь для подчиненных «отцом родным» и «командиром с ангельским сердцем».

Процитированное письмо было написано в Средней Азии, в Хороге, после путешествия в Индию и научной командировки в Англию, успешной службы в штабе Туркестанского военного округа в период начальствования над обширным пограничным районом Памира. В этом высокогорном районе в то время сталкивались геостратегические интересы трех величайших

---

[2] *Дудник В., Смирнов Д.* Андрей Евгеньевич Снесарев. К столетию со дня рождения // Народы Азии и Африки. 1965, № 1. *Их же:* Вся жизнь науке // Военно-исторический журнал, 1965, № 2. Андрей Евгеньевич Снесарев (жизнь и научная деятельность) // Сборник статей. М., 1973.

империй: России, Великобритании и Китая. Здесь Снесарев сформировался как выдающийся геополитик.

Но до этого времени было счастливое детство и отрочество, которые протекали в станицах казачьего края. Перемены места жительства были связаны со сменой приходов отца Евгения. После церковно-приходской школы, в которой занятия вел отец, Андрюша Снесарев семь лет учился в прогимназии в станице Нижне-Чирской, а затем два года в гимназии в столице Донского казачества городе Новочеркасске. Учеба в гимназии была омрачена скоропостижной смертью Евгения Петровича. Большая семья, в это время в ней было шесть детей, осиротела, лишившись основного кормильца и наставника. Всю ношу забот о содержании и воспитании детей взяла на себя матушка Екатерина Ивановна, делавшая все возможное, чтобы дети выросли здоровыми, получили образование и стали достойными людьми своей страны.

В 1884 году Андрей заканчивает с серебряной медалью гимназию. При этом были отмечены его особые успехи в изучении древних языков. В том же году он поступает в Московский университет на физико-математический факультет на отделение чистой математики. Четыре года упорной учебы, с подработкой на жизнь уроками. В 1888 году – блестящее завершение Университета с защитой научной работы по бесконечно малым величинам. Перед Андреем Снесаревым открывается перспектива профессорской карьеры. Только вначале ему предстояло выполнить свой гражданский долг: по законам Российской империи лица с высшим образованием обязаны были пройти полугодовую военную службу. Но он выбирает Московское пехотное училище. Это для него интереснее формального выполнения воинского долга вольноопределяющимся, только и служить в этом случае надо было не полгода, а год, чтобы пройти программу полного курса военного училища.

Учеба и служба оказались увлекательными, понравилось и участие в училищном хоре. При этом у юнкера Андрея Снесарева обнаруживаются музыкальное дарование и удивительно красивый голос. После окончания училища он получает чин подпоручика, но не увольняется с воинской службы, на что имел право, а остается в рядах армии. Его направляют в 1-й Лейб-Гренадерский Екатеринославский полк, который дислоцировался в Кремле. В полку Снесарев прослужит 7 лет. В первые годы офицерской службы он будет брать уроки пения, готовиться на оперную сцену. Ему пророчили большую славу оперного певца. Разве можно было от нее отказаться? Он уже заменяет заболевшего певца в Большом театре, но произойдет временный сбой – потеря голоса. С мечтой стать оперным певцом Андрею Евгеньевичу придется расстаться. Этот удар судьбы он перенесет очень болезненно. Об этом он пишет в одном из фронтовых писем к жене (письмо от 7–8 января 1916 года).

Но военное поприще после этой драмы Снесарев не оставил. Дальнейший успех на нем лежал через военную академию. Вначале поручик А. Снесарев намеревался пойти в Инженерную академию, к этому подвигало и университетское образование. Но он не прошел по рисунку, которому в то время придавали большое значение при поступлении. Военных фортификаторов готовили как хороших архитекторов.

Пришлось поднять планку и взять ориентир на Императорскую Николаевскую Академию Генерального штаба – самую престижную военную академию страны. Поступить в нее в то время было непросто, высокие требования предъявлялись по общеобразовательным и военным дисциплинам при большом конкурсе. В 1896 году Андрей Снесарев успешно выдерживает вступительные экзамены и становится слушателем Академии. Через некоторое время он напишет одной из своих сестер: «*Первые два дня хандрил, теперь немного прихожу в себя и вновь берусь за работу. Академия делает свое дело и берет в лапы: не замечаешь, как все помыслы и даже мелочные желания начинают вертеться около нее… какую массу нервов и умственного*

напряжения берет эта вторая alma mater…»[3] Как он учился все годы в Академии, видно из публикуемого в этой книге фронтового письма к жене (от 10 апреля 1917 года).

В 1899 году А. Е. Снесарев заканчивает Академию, ее основной двухгодичный курс и дополнительный девятимесячный, на который переводили лучших слушателей по результатам учебы на основном курсе. По выпуску из Академии он получает звание штабс-капитана, его причисляют к службе Генерального штаба. Местом службы он избирает Туркестанский военный округ.

Однако по личному выбору военного министра генерала А. Куропаткина его вместе с полковником А. А. Полозовым направляют в специальную командировку-путешествие по сложнейшему горному маршруту из Средней Азии в Индию. Путешествие положило начало изучения А. Е. Снесаревым этой страны, которую он полюбил на всю жизнь и которой посвятит в последующем много трудов, что впишет его имя в число отечественных классиков индологии. После успешно проведенного ответственного и опасного путешествия по британской Индии последуют научная командировка в Англию в целях дальнейшего изучения этой страны, а затем служба в штабе Туркестанского военного округа и командование Памирским отрядом.

Одновременно штабс-капитан А. Е. Снесарев напряженно занимается научно-исследовательской работой, преподает математику в кадетском корпусе, собирает свою библиотеку, участвует в деятельности географического общества, выступает солистом на музыкальных вечерах и концертах в Ташкенте. Свидетельством его служебной деятельности и научной работы, а так же умонастроения во время пребывания в Средней Азии являются письма сестре Клавдии, опубликованные тогда работы, в их числе: «Краткий очерк Памира», «Памиры», «Северо-Индийский театр: военно-географическое описание», огромный задел для трудов по Индии, Афганистану, которые выйдут много лет спустя.

В 1904 году А. Е. Снесарев женится на Евгении Васильевне Зайцевой, дочери начальника военной администрации города Ош полковника Зайцева Василия Николаевича. Это был очень авторитетный человек, ветеран службы в Средней Азии, бывший адъютант М. Д. Скобелева в одном из его походов при присоединении ее к России, автор ряда популярных книг, в том числе ««Руководства для бригадных и батальонных адъютантов по всем видам их деятельности», выдержавшего 15 изданий.

Соперниками Снесарева в борьбе за руку и сердце Жени Зайцевой были шведский путешественник Свен Гедин и Борис Федченко, ботаник и путешественник, сын известных исследователей Азии А. П. и О. А. Федченко. Но юная красавица отдала предпочтение мужественному и талантливому офицеру. Так что эти имена в письмах встречаются не случайно.

Брак заключался по большой взаимной любви и оказался очень счастливым с точки зрения сохранения на всю последующую жизнь этого высокого и дорогого для каждого человека чувства. В семейно-брачной жизни Андрей Евгеньевич и Евгения Васильевна были счастливым людьми. Об этом свидетельствуют дух и содержание публикуемых писем.

В конце 1904 года штабс-капитана Снесарева, как уже признанного специалиста по Среднему Востоку, переводят служить в Санкт-Петербург в Главное управление Генерального штаба. Здесь его служба продлилась до 1910 года, ему были присвоены очередные воинские звания: подполковника (1904) и полковника (1908). Наряду со службой в столице Андрей Евгеньевич активно занимается научной и общественной деятельностью, преподает в военном училище и академии, выступает с лекциями и докладами в различных обществах: географическом, ориенталистов (востоковедов), ревнителей военных знаний. В 1908 году он участвует в работе международного конгресса ориенталистов в Копенгагене, где делает два доклада: «Религии и обычаи горцев Западного Памира» и «Пробуждение национализма в Азии». В годы службы в Петербурге выходит ряд его крупных работ: «Восточная Бухара», «Индия как главный фактор

[3] Личный архив А. Е. Снесарева, хранящийся у внука Андрея Андреевича Снесарева.

в среднеазиатском вопросе», «Англо-русское соглашение», «Военная география России». Он принимает активное участие в издании газеты «Голос правды», а также журнала «Чтение для солдат», выступает автором целого ряда статей в «Военной энциклопедии», которая начала в это время выходить в издательстве Сытина.

В 1907 году между Великобританией и Россией было заключено соглашение. А. Е. Снесарев публично осудил его как не отвечающее интересам России: «… *Характерной особенностью, основным недостатком англо-русского соглашения является его* ***неискренность.*** *Всё это соглашение не искренно. Люди собираются наладить мировую обстановку, и ни та, ни другая сторона не говорят, по поводу чего же они решаются быть миролюбивыми*».[4] Похоже, что это выступление Снесарева послужило скрытой причиной его перевода для дальнейшей службы на границу с Австро-Венгрией начальником штаба 2-й казачьей Сводной дивизии, которая дислоцировалась в городе Каменец-Подольске. Его вроде бы выдвигают по службе, но отодвигают от больших военно-политических дел, которыми он занимался Генеральном штабе. Правда, одновременно он назначается председателем российской стороны комиссии по разграничению границы между Российской и Австро-Венгерской империями. Еще во время службы в Средней Азии Снесарев проявил себя как теоретик и ответственный практик решения пограничных проблем.

При исполнении этих двух должностей А. Е. Снесарева и застает в 1914 году надвигающаяся Первая мировая война. К этому времени в его семье уже было трое детей: два мальчика (Евгений и Кирилл) и девочка (Евгения – Ейка). В фронтовых письмах они – предмет постоянного внимания, заботы и любви.

Служба в военном режиме для 2-й казачьей Сводной дивизии, включая ее начальника штаба полковника А. Е. Снесарева, началась раньше официального объявления 1-го августа Германией войны России. Уже в июле дивизия начала встречное выдвижение к границе, на которую устремились войска Австро-Венгрии. С этого времени седло и окоп стали для Снесарева основным рабочим местом его пребывания в течение целых трех лет.

Война поглотила его всецело, но не могла освободить от мыслей и забот о семье, беспредельно любимых Евгении Васильевне и детях. Оснований для беспокойства было предостаточно. Из Каменец-Подольска, оказавшегося в прифронтовой зоне, семью пришлось отправить в Петербург, где находились родители Евгении Васильевны. Домашние вещи и ценная библиотека в дороге затерялись. Это обострило и так всегда непростую для Снесаревых проблему средств существования. Не любивший жаловаться Андрей Евгеньевич в одном из писем обронит такую фразу: «*Сколько раз мне приходило в голову или выкинуть какую-либо штуку (вроде книги, статьи…), или просто бросить службу, но этот постоянный рабий страх за существование, за кусок хлеба сковывал мою волю и размах*» (из письма 15 декабря 1915 года). Отсюда читателю писем должно быть понятным, почему в них часто поднимается денежный вопрос.

Но ни боевые дела, ни работа с полной отдачей сил в должностях начальника штаба и командира, ни постоянная тревога и заботы о семье не лишили Снесарева качеств пытливого испытателя и прирожденного ученого. На войне он чувствует и ведет себя как исследователь, которого включили в необычную лабораторию и в которой он должен проверить свои имеющиеся взгляды и выводы, выяснить все новое, до этого неизвестное или не полностью понятое. Поэтому он старается зафиксировать все происходящее, возникающие мысли и предварительные заключения. Это он делает в дневниках и письмах к жене, надеясь все обобщить после войны, если повезет не погибнуть в ее огне.

Интересно, что в довоенной аттестации на полковника А. Е. Снесарева, утвержденной генералом А. А. Брусиловым, было записано: «…его сфера скорее ученая деятельность, каби-

[4] Англо-русское соглашение 1907 года // Общество ревнителей военных знаний. Кн. 2. СПб., 1908. С. 24.

нетная». Как показала война, известный генерал ошибся: Снесарев показал себя на полях сражений и мужественным воином, и большим ученым.

Обо всем этом и свидетельствуют его фронтовые письма и дневники. Письма он писал непрерывно, а дневник начал вести с октября 1914 года. Письма сохранились почти за всю войну; дневники, к великому сожалению, за некоторые периоды утрачены.[5] Потому только публикация фронтовых писем и дневников вместе дает полную картину его жизни и деятельности в течение трех лет войны, видения ее изменчивости, героической и теневой сторон, размышлений, чувств, оценок и выводов, сделанных в ходе и по горячим следам военных и революционных событий 1917 года, переживаний трагедии Отечества как собственной личной трагедии.

Фронтовые письма А. Е. Снесарева чрезвычайно интересны в конкретном военно-профессиональном отношении. В них кратко и емко сказано о качествах и деятельности командира полка, начальника дивизии, начальника штаба дивизии и корпуса. Каждый из этих и других должностных лиц найдет в них удивительно мудрые мысли и советы. Будучи командиром полка, Андрей Евгеньевич пишет жене: «*Моя теперешняя работа диаметрально противоположна прежней* (начальника штаба казачьей дивизии – И. Д.); *я чувствую каждый день, что мне Государем вручены четыре т[ысячи] душ, драгоценных и великих, душ русских, и что я должен их уберечь в сложной обстановке войны… более этого, мне дана власть жертвовать этими душами, когда надо выполнить ту или иную боевую задачу, и нет тяжелее для меня греха, если я при этом что-либо упущу, забуду или отнесусь к делу недостаточно вдумчиво…* (из письма 29 ноября 1914 года).

За командование полком и личную храбрость полковник Снесарев был представлен к ордену Св. Георгия IV степени. О любви солдат и офицеров к нему как командиру полка ходили легенды. Под его командованием хотели и стремились служить и воевать офицеры и солдаты, а его уход из полка воспринимался ими как огромная общая и личная потеря. По результатам боевых действий его полк стал одним из лучших на Юго-Западном фронте.

За войну Снесарев командовал двумя дивизиями, первый раз временно. В дивизии, которую он получил «*…1) некоторые полки по многим дням не имели горячей пищи под предлогом, что доставить ее в горы нельзя – она простывает и разбалтывается, а готовить у позиций – опасно: враг обнаружит расположение и откроет огонь; 2) в одном полку целыми массами переброшены люди в тыловые части […] 3) в ротах ни одного не осталось фельдшера, так что* ***первую*** *(самую роковую и важную) перевязку воину, исполнившемусвой долг, делает санитар*». Дивизия была «больна в корне, забыта, распущена». Но за три месяца он сумел сделать ее прекрасным слаженным боевым организмом. Начальник дивизии во все вник, все проверил, начиная с окопов, устройства секретов. И в результате мог констатировать: «*Все это ребят поражает. Они говорят, что у них появился какой-то особый начал[ьник] дивизии, который заглядывает всюду, а ходит и туда, куда из них-то мало кто ходит. Речи я теперь говорю налево и направо, и молодежь офицерская ходит после них, как отуманенная… «Никто нам ничего этого не говорил» или «Вы первый постучали в наше сердце», или «Вы подошли к нам с самого теплого хода»… такие фразы говорятся мне, говорятся вне меня»* (из письма 28 сентября 1916 года).

Андрей Евгеньевич предпочитал командные должности штабным, но и на штабных должностях он показал образцы необычной работы. Интересно, как он ответил жене на вопрос о своей работе начальника штаба пехотной дивизии: «*…Как тебе сказать короче, это –* ***обработка, знание и группировка всех материалов, ведущих через решение начальника к победе…*** (Выделено – И. Д.) *Материалы: сила и особенности противника, наши, местность,*

[5] Первая тетрадь (за период командования полком и бригадой) военных дневников утеряна. Тетрадь с записями с октября 1917 года по май 1918 года была отдана Евгенией Васильевной Снесаревой А. И. Тодорскому; дальнейшая судьба этой части дневника неизвестна.

погода, дороги, мука, сено, врачи, телеги, лошади… Ты видишь: сложно, непрерывно и всеобъемлюще. …Во всяком случае, день у меня весь занят, и все, кому нужно и кому не нужно, лезут ко мне; я не буду удивлен, если меня позовут к бабе в качестве акушера. Но все это естественно, хотя тебя с непривычки и может удивить» (из письма 4 марта 1916 года).

С выдвижением по службе и присвоением наград Снесареву случались большие задержки. Снесарев ценил заслуженные награды, даже переживал, когда по непонятным причинам затягивали с их присвоением, но это не влияло на его боевой дух и поведение. На эту несправедливость очень чутко реагировали его подчиненные. Дело дошло до того, что офицеры дивизии, восхищенные его личным мужеством в сложнейшей боевой обстановке, решили преподнести ему самодельный символический орден. Этой наградой Снесарев очень гордился и называл ее «моим Георгием снизу». Это был уникальный случай, пожалуй, за все годы войны. Его описание содержится в письме от 31 октября 1916 года.

С ходом войны Снесарев все больше интересуется вопросами стратегии, хотя ее проблемы не входили в круг его служебной деятельности, но к этому его побуждал неудачный ход войны. Его интересуют не только частности войны, проблемы военного искусства, но и война как общественное явление, ее природа, постоянные и переменчивые факторы, их соотношение. Мысль его непрерывно углубляется с ходом войны. «*Война – это что-то особенное, она все меняет, все освещает под своим углом, все расценивает и раскладывает по-своему. О ней книги написаны, а ничего ясного не сказано*» (из письма 28 сентября 1914 года). Это вывод, сделанный в конце первого месяца войны.

Командуя боевыми действиями пехотного полка, полковник А. Е. Снесарев приходит к выводу, что принятая в русской армии тактика не отвечает условиям и требованиям ведущейся войны. Он считает, что для разработки новой, огневой тактики надо опереться на арсенал отечественной военной истории, взять из него подходы Суворова и Скобелева. Он это делает, но тактика не решает всех проблем успешного ведения войны. Это все больше с ходом войны беспокоит и возбуждает желание послужить в штабах, причастных к решению стратегических вопросов. «*Война полна загадок, и нам, которые живут и мыслят в ее сферах, хочется возможно глубже проникнуть в ее тайники, как духовные, так и материальные. И странно, каждая война идет со своими законами и правилами, ломает то, что было как будто бы и прочно установлено ее предшественницей, создает новое полотно истин. Я часто по целым часам ломаю голову над целой суммой вопросов, и свое бессилие их решить объясняю недостаточно удобной перспективой моего положения… слишком у меня в моей работе мало стратегии и все заполнено сплошной тактикой*» (из письма 6 мая 1915 года).

В фронтовых письмах Снесарева стоит особое внимание обратить на ту их часть, в которой поднимаются вопросы неблагополучия в обществе и государстве в условиях войны, анализ и прогноз событий в армии и обществе, в тылу и на фронте после Февральской революции.

Значительную часть времени он воевал в большом отрыве от политических и культурных центров, часто не имея газет и других сведений о происходящих событиях на других фронтах, в стране и за рубежом. Отсутствие и скудность информации серьезно угнетали его, как человека привыкшего все анализировать и следить за всеми текущими событиями. В то же время даже по отрывочным сведениям он оказывался способным сделать глубокие и правильные выводы о настоящем и будущем своей страны. Его крайне возмущала нездоровая и ненормальная, по его мнению, ситуация, когда в условиях войны, в которой решалась судьба народа и государства, определенные влиятельные круги занимались второстепенными делами, вы двигали прожекты перестроек, реформ и различных других преобразований.

Когда свершилась Февральская революция, Снесарев спокойно воспринял смену политического режима. Но его крайне беспокоила судьба армии и страны в условиях поспешных преобразований. Так, в письме от 17 марта 1917 года он возражает жене, которая, по-видимому, разделяла эйфорию своего петроградского окружения: «*Как у вас, так и у нас в тыло-*

вых частях (не в окопах) люди прежде всего задумались о правах, которые идут к ним при новом порядке вещей, но очень мало или почти никто – о той сумме обязанностей, которую принес с собою для каждого новый порядок, и который, добавлю, тогда и даст свою сумму благ, когда люди прежде всего войдут в личный деспотизм наложенных на них обязанностей… А твои приятели все-таки меня волнуют; меня хотят убедить, что свободное соревнование, подавляющая русская масса, а главное, сухой эгоизм, который ляжет теперь в основу всего, спасет нас […], но всему этому верю только отчасти. А куда мы денем нашу серость, добродушие, всепримиряемость?»

Как гражданин и воин А. Е. Снесарев в 1917 году выполнил свой долг до конца. Он делает все возможное, что в его силах, чтобы поднять боеспособность войск, которыми поручено ему командовать. Но делать это становится все труднее и труднее даже при его таланте побуждать людей выполнять свой долг по защите Родины. В сентябре 1917 года его назначают командиром IX армейского корпуса. Но развал армии уже принял необратимый характер. Слишком поздно власть начала вспоминать об офицерах и генералах, блестяще проявивших себя в ходе войны, одним из которых был Андрей Евгеньевич.

12 ноября 1917 года генерал-лейтенант А. Е. Снесарев закрывает последнюю страницу своей боевой биографии, непосредственно связанную с Первой мировой войной, и уезжает с фронта в долгосрочный отпуск в Воронежскую губернию в Острогожск к семье, которая переехала туда в конце апреля 1917 года.

Фронт и армия развалились, новая Советская власть этот процесс узаконила, объявив демобилизацию. Снесарев, как и многие люди его положения, оказался не у дел. Перед ним встала проблема выбора: искать пути выезда из России или оставаться в своей стране, рухнувшей политически, экономически и духовно, ставшей беззащитной не только перед внешним врагом, но даже перед военнопленными, которых за годы войны оказалось в стране много сотен тысяч.

Андрей Евгеньевич делает выбор остаться в своей стране, с ее неопределенным и теперь уже очевидно трудным будущим. О его тогдашней позиции свидетельствует письмо к родителям жены, в котором он сообщает о просьбе своего брата Павла: «…*Брат готов куда-либо бежать – в Америку или в Англию – и спрашивает у меня маршрута через Авганистан. Хотя такая мысль может быть подсказана только безумием, но, вероятно, в обстановке есть многое, что толкает на безумные шаги. Буду писать ответ и советовать самообладание; покинуть Родину можно, и для этого найдутся пути и более близкие, чем Авганский, но с кем же страна останется и что с нею будет?»* (из письма от 14 марта 1918 года).

Вопрос, что будет с ней – Родиной – всегда определял линию поведения Андрея Евгеньевича, обустраивать и защищать свою страну он считал своим священным долгом и никогда от этого принципа не отступал.

Для себя А. Е. Снесарев определяет учительское поприще в родных местах. Но человек предполагает, а общественная судьба располагает его жизнью, далеко не всегда согласуясь с его личными желаниями.

28 января 1918 года был издан декрет Совнаркома о создании Красной армии. К решению задачи привлекались военные специалисты старой армии. Благо у новой власти оказались списки офицеров службы Генерального штаба, что облегчало задачу их призыва. В ряды новой армии был призван и А. Е. Снесарев. Безусловно, у него был выбор пойти и в Белое движение. Новую власть он не приветствовал. Но наступали немецкие войска. Оказывать им сопротивление от имени государства могла только эта власть, создаваемая ею армия. Слабости Белого движения ему были понятны: отсутствие ясной идеи будущей государственности и подготовленности к ее практической реализации. Он слишком хорошо знал руководящий слой Белого движения, чтобы поверить в его способность решить проблемы вздыбившейся России. Судьба же ее государственности оказалась в руках Советов во главе с большевиками. И государствен-

ник Снесарев, не без тяжелых раздумий, делает выбор в пользу Красных. К тому же его выбор облегчался обещанием использовать новую армию только в борьбе с внешним врагом.

В мае 1918 года его назначают военным руководителем вновь созданного Северо-Кавказского военного округа. Мандат об этом назначении за номером 1282 был подписан Председателем Совнаркома В. И. Лениным и Председателем Реввоенсовета Республики Л. Д. Троцким. Штаб округа находился в Царицыне. Военная обстановка в районе Царицына в то время была чрезвычайно сложной. Кубанская область была занята Добровольческой армией Деникина, Сальский округ – Донской армией белых, с Украины наступали немцы, на Царицын двигалась 40-тысячная армия генерала Краснова. Революционные войска были разбросаны на большом пространстве, плохо организованы, в их среде стали привычными анархизм и обыкновенный бандитизм. Все это Снесареву было знакомо по службе последних месяцев в старой армии.

И новую службу он начал с изучения обстановки и наведения порядка в войсках, определения задач войсковым частям, налаживания связи между ними. На стороне Белых было много его товарищей по службе в старой армии, участию в Мировой войне. Но Гражданская война развела их по разные стороны. Своей задачей А. Е. Снесарев видит такую организацию военных действий, которые вели бы к уменьшению братского кровопролития. На основании распоряжения Высшего военного совета от 9 июня 1918 года Снесарев разработал план обороны Царицына, изложил его в приказе № 4 от 23 июня 1918 года. В результате этих и других мер к середине июля 1918 года в Северо-Кавказском военном округе были созданы регулярные части Красной армии численностью до 20 тысяч человек. Была организована оборона дальних подступов к Царицыну, положение стабилизировалось. Таким образом, Снесарев является организатором Северо-Кавказского военного округа, который сыграл важную роль в дальнейших военных событиях.

Но не все красные командиры и комиссары с должным доверием отнеслись к приказам и распоряжениям военрука округа. Происходит серьезное столкновение между Снесаревым и находившимися в то время в Царицыне Сталиным и Ворошиловым. Дело дошло до ареста Снесарева и его штаба. Москва потребовала немедленно освободить Снесарева и выполнять его распоряжения. К счастью, в условиях господства местнического самоуправства первая часть требования была выполнена: Андрей Евгеньевич был освобожден. Приехавшая московская комиссия приняла соломоново решение: Сталина и Ворошилова оставить в Царицине, а Снесарева назначить на другую должность.

После подписания Брестского мира для прикрытия западных рубежей была создана Завеса – своеобразная линия фронта между войсками кайзеровской Германии и частями Красной армии. Командующим западным участком Завесы и был назначен А. Е. Снесарев. Войска Завесы составляли Западную армию, которая потом была переименована в Белорусско-Литовскую, а затем в 16-ю армию, штаб которой дислоцировался в городе Смоленске. Хотя армия была в плохом состоянии по всем показателям (по снабжению, вооружению, моральному состоянию и кадровому составу), но она выполняла поставленные перед ней задачи по занятию освобождаемых от немцев районов Белоруссии и Литвы.

В августе 1919 года Снесарев назначается начальником Академии Генерального штаба РККА. Ее формирование началось в конце 1918 года и до назначения Снесарева начальником еще не было полностью завершено. Только началась разработка учебных программ и лекционных курсов и шла трудно. По существу создание новой академии легло на плечи Снесарева.

Назначение нового начальника академии было вполне объяснимым актом со стороны власти. Снесарев был широко известен и как ученый, и как опытный боевой военачальник не только Первой мировой, но и Гражданской войны. И хотя у военного и политического руководства того времени не было к нему полного доверия, его знания, опыт и авторитет нужны были для воссоздания военной академии.

Итак, в августе 1919 года начинается новая глава в жизни и творчестве Снесарева – активный одиннадцатилетний и удивительно плодотворный период его научно-педагогической деятельности.

Андрею Евгеньевичу новое назначение давало возможность реализовать свои обширнейшие знания военного дела, уникальный опыт, размышления о новой тактике, стратегии и войне как общественном явлении. Он прекрасно понимал, что теперь от него лично зависит сохранение преемственности и дальнейшее развитие отечественной военной мысли на основе изучения опыта Первой мировой войны, завершающейся для его страны Гражданской войной и нашествием иностранных интервентов.

Перовой заботой Снесарева было научить слушателей академии – молодых командиров Красной армии, большинство которых имело невысокий уровень образования, практике управления войсками. Но не только. Военному профессионалу крайне важно иметь твердое воззрение на место и роль войны в истории. Ведь в Первую мировую войну офицерские кадры столкнулись не только с проблемами обновления военного искусства. Проблемы эти оказались трудными, но разрешимыми. А вот изменение характера и содержания войны, новой роли в ней широких масс оказалось проблемой неожиданной и непонятной.

Снесарев сразу же берется за разработку программы по философии войны и соответствующего ей лекционного курса. Материалом в этой работе для Снесарева послужили многие идеи и выводы, сделанные им в ходе Первой мировой войны, зафиксированные в письмах и дневниках. Естественно, они были дополнены и расширены его изысканиями в последующее время.

Всего два года А. Е. Снесарев был в должности начальника Академии Генерального штаба РККА. Но сделал он за это время удивительно много. Был собран хороший творческий состав преподавателей, которые уже проявили себя признанными военными теоретиками, например А. А. Свечин, В. Ф. Новицкий и другие.

По инициативе и с активным участием Снесарева в академии было создано Восточное отделение, готовившее кадры для военно-политической работы на восточных границах и на военно-дипломатической, научно-аналитической и другой важной работе. Андрей Евгеньевич на своем опыте убедился в важности владения живыми языками народов, среди которых приходится жить и решать служебные вопросы офицерским кадрам. Возобновляет Андрей Евгеньевич и свои научные работы по восточным вопросам. В 1921 году он выпускает труд «Авганистан», сделавший его классиком отечественной афганистики. Этот труд переиздается в наше время, только жаль, что им не пользовались те лица, которые решали в свое время вопрос о вводе советских войск в эту страну.

В ходе Мировой и Гражданской войн Снесарев убедился в большом влиянии на поведение отдельного воина, малых групп и больших масс войск психических процессов. Поэтому еще во время войны он занялся изучением психологии. В своих фронтовых письмах и дневниках он много раз отмечал те разительные перемены, которые происходили в ходе войны с отдельными людьми, группами и даже большими массами.

Похоже он пришел к выводу, что психическое состояние масс может круто изменить ход войны от победы к поражению и наоборот. И как бы в предвидении будущих психологических войн в академии им создается психологическая лаборатория. К сожалению, после ухода Снесарева с должности начальника академии деятельность этой лаборатории была свернута.

В 1920 году А. Е. Снесарев опубликует очень важную и принципиальную статью «Единая военная доктрина». Дело в том, что проблема военной доктрины страны активно обсуждалась перед Мировой войной, и тогда не пришли к приемлемому для руководства страны выводу. Вопрос был снова поднят в уже новых условиях. В печати высказывались разные мнения. Но наиболее глубокую методологию решения этой чрезвычайно важной для государства военно-политической проблемы дал именно А. Е. Снесарев в указанной статье.

Большое значение имело создание им в академии редакционного совета, в задачу которого входило обеспечение отбора и выпуска высококачественных трудов ученых и преподавателей академии. Опыт работы этого совета был воспринят руководством военного ведомства страны. В результате при Реввоенсовете Республики был создан Высший военный редакционный Совет, решавший вопросы организации выпуска отечественной и переводной зарубежной военной литературы. Таким образом в стране был налажен обзор мировой военной мысли.

В 1921 году Академию Генерального штаба РККА переименовывают в Военную академию РККА, ее начальником назначают М. Н. Тухачевского. Снесарев остается профессором академии, а с 1 января 1921 года его назначают руководителем Восточного отделения академии. И он полностью отдается научно-исследовательской и педагогической деятельности. И в который раз удивляет продуктивностью и качеством своего труда.

С 1922 по 1930 год Андрей Евгеньевич создает ряд фундаментальных трудов, делает большое число научных докладов на различные темы, переводов книг иностранных авторов, пишет несколько сот статей и рецензий, общее число которых пока еще не установлено. При этом не все созданное им в то время было опубликовано. Так, в 1924 году Снесарев закончил перевод основного труда Клаузевица «О войне», публикацию которого он хотел предварить работой о его жизни и творчестве. По существу, он написал самостоятельный труд, одно из лучших исследований истории формирования идей великого немецкого военного философа, затем представленную им в своем бессмертном труде. Судя по дневникам, Снесарев собирался эту работу опубликовать, но этого, к сожалению, не произошло. Рукопись осталась в личном архиве и впервые была опубликована только в 2001 году в Академии Генерального штаба ВС РФ тиражом 100 экземпляров. В сокращенном виде эту работу опубликовал и «Военно-исторический журнал».[6]

В 1924 году А. Е. Снесарев публикует фундаментальный труд «Введение в военную географию» с большим количеством схем и диаграмм. Труд вышел малым тиражом (240 экз.) и с низким качеством типографского исполнения. Больше он никогда не переиздавался, хотя содержит ряд ценных положений. По существу он представляет классический труд по геополитике.

В 20-е годы Андрей Евгеньевич задумал создать четырехтомный обобщающий труд «Индия. Страна и народ». В 1926 году вышла первая книга – «Физическая Индия». К 1929 году была подготовлена вторая книга – «Этнографическая Индия». Планировалась третья книга – «Экономическая Индия» и четвертая – «Военно-политическая Индия». Но в 1930 году выпуск второй книги был остановлен. Она вышла только в 1981 году с сокращениями. В предисловии к ней Л. Б. Алаев пишет: «*Если бы А. Е. Снесарев смог и успел создать задуманную энциклопедию индологии, эта наука оказалась бы в то время на качественно новом этапе, что повлияло бы на ее дальнейшее развитие*».[7]

Мысль, безусловно, верная. Но к ней стоит многое добавить. Если бы в свое время были опубликованы «Философия войны» и «Жизнь и труды Клаузевица» и приняты во внимание наукой, то это заметно сказалось бы на развитии отечественной военной мысли. Если бы были приняты во внимание идеи А. Е. Снесарева относительно дальнейшего развития географии и геополитики, то это также оказало бы заметное положительное влияние на эти и смежные науки. Таких «если бы» можно было бы привести больше. Даже для исторической науки Снесарев рекомендовал взять на вооружение такую эвристическую идею, как применение стратегического метода в исторических исследованиях.

Снесарев непрерывно ведет учебные занятия. Он их ведет не только в Военной академии РККА, а и в Военно-воздушной и Военно-политической академиях. Приказом РВС СССР

---

[6] Военно-исторический журнал. 1999, № 1, 2000, № 1, 2001, № 12.

[7] Снесарев А. Е. Этнографическая Индия. М., 1981. С. 3.

№ 149 от 27 июня 1927 года ему присваивается звание профессора высших военных учебных заведений (по военной географии и статистике). Вскоре приказом РВС СССР № 251 он назначается военным руководителем Института востоковедения им. Н. Нариманова. Здесь он оставит о себе память выдающегося ученого и много учеников, среди которых будут известные востоковеды, например, академик А. А. Губер, академик И. М. Рейснер, профессоры Р. А. Ульяновский, В. В, Балабушевич, А. М. Осипов и другие.

В середине 20-х годов А. Е. Снесарев проводит уникальное исследование в рамках проблем, поставленных Первой мировой войной. Бывшие союзники России по этой войне предъявляли претензии к Советскому Союзу как наследнику Российской империи за поставки оружия и военной техники. При этом людские потери России в счет не брались. Еще в ходе Первой мировой войны обратил внимание на серьезное значение военно-демографической проблематике и усматривает в ней огромный стратегический смысл. *«Воюют не в момент только войны,* – пишет он 9 февраля 1917 года, – *а воюют много раньше, чем раздались первые звуки выстрелов: женщины рожают и воспитывают воинов, ученые изучают войну и ее новые формы, заводы льют пушки и готовят снаряды… Да еще вопрос – насколько 2-е и 3-е существенное дело, может быть, зерно победы в том, кто кого перерожает, какой страны женщина более окажется сильной в выполнении своей государственной задачи».*

Снесарев включает демографический фактор в структуру расчетов, и картина долговых отношений между бывшими союзниками по Антанте меняется. Его исследование было опубликовано в 1926 году в сборнике «Послевоенные расчеты держав Антанты. Кто должник?» По комплексу демографических идей, выдвинутых Снесаревым, его следует отнести к одному из основоположников военной демографии.

В 1928 году постановлением ЦИК СССР А. Е. Снесареву было присвоено почетное звание Героя труда, впервые введенное в стране. Вместе с ним это звание получили выдающийся ученый Л. В. Чижевский и известные конструкторы оружия В. А. Дегтярев и Ф. В. Токарев. В 1929 году кандидатура Снесарева была выдвинута в академики АН СССР. Но 27 января 1930 года А. Е. Снесарев был неожиданно арестован, а затем осужден на высшую меру. Однако решение суда было изменено. Основанием для изменения приговора послужила следующая записка И. В. Сталина Наркому обороны К. Е. Ворошилову: «Клим! Думаю, что можно было бы заменить Снесареву высшую меру 10-ю годами. И. Сталин». Жена Снесарева – слабая и болезненная женщина так активно ходатайствовала за своего мужа, что одна из ее телеграмм, по-видимому, дошла до Сталина. И он вероятно вспомнил то впечатление, которое произвел на него генерал в Царицыне в 1918 году. Так случилось, что будущий генералиссимус первые серьезные уроки военного дела получил именно у него.

Снесарев был отправлен в печально знаменитый Соловецкий лагерь – СЛОН. Но и там он продолжал размышлять о войне, просил разрешить ему продолжить работать над «Огневой тактикой». По личному фронтовому опыту в годы Первой мировой войны и глубокому знанию тенденций развития оружия А. Е. Снесарев хорошо понимал, какую большую цену придется платить народу за огрехи в тактической подготовке войск к грядущим военным событиям. Вопросы тактики крепко запали ему в душу, о чем он много раз писал в дневниках и письмах: «*…если тактика, то ряд глупостей, а значит и ненужных жертв…*» (из письма 9 ноября 1915 года).

В 1934 году Андрей Евгеньевич тяжело заболел, семье было разрешено забрать его домой. Но от болезни он не оправился и 4 декабря 1937 года умер. Похоронен Андрей Евгеньевич Снесарев на Ваганьковском кладбище. 22 декабря 1973 года от Министерства обороны СССР на его могиле был установлен монумент.

Диапазон одаренности А. Е. Снесарева поражает своей широтой. При всем этом следует подчеркнуть, что он был прежде всего профессиональным военным. Именно под военно-профессиональным углом зрения он рассматривал многие вопросы. Постижение войны требовало

ее всестороннего рассмотрения, глубоких и обширнейших знаний. Андрей Евгеньевич ими обладал, непрерывно наращивал и адресно применял. Крупнейший военный теоретик и военный философ XX века, заслуживающий того, чтобы стать для русских и всех граждан России тем, чем являются для китайцев Сунь-цзы, а для немцев К. Клаузевиц, до сего времени остается мало известным даже среди военных профессионалов. Для заграницы он мало интересен, так как слишком русский по характеру и устремлениям человек, а там благосклонно относятся только к европеизированным и американизированным русским.

Длительное забвение Снесарева на своей родине – тяжелый и прискорбный случай. О причинах уже говорилось. Когда это имя было реабилитировано (1958), исследование биографии и творчества Снесарева велось только отдельными энтузиастами и должного общественного резонанса пока не получило.

Имя А. Е. Снесарева заслуживает того, чтобы быть в ряду тех, кем могут и должны гордиться граждане России независимо от переменчивых политико-идеологических пристрастий и симпатий. Именно благодаря таланту, трудолюбию и беззаветной любви к своему Отечеству таких людей оно продолжает существовать, несмотря на разрушительные революционные перестройки и реформы, которым его с остервенением подвергают то левые, то правые радикалы, опираясь на активную поддержку и помощь явных и лицемерных недоброжелателей России.

Жизнь А. Е. Снесарева была всецело посвящена своей Родине, безопасности и благополучию ее народа. Для него не стоял обывательский вопрос, что ему дала Россия, чем она ему обязана. Он не искал собственного обустройства вне России, поэтому для него на первом месте всегда были проблемы ее обустройства. Для него существовал только один вопрос: как лучше выполнить свой долг перед Отечеством, как защитить его от внешних посягательств и предупредить, уберечь соотечественников от безответственных действий, разрушающих свою же государственность и общественность.

Такие цельные одаренные натуры как А. Е. Снесарев – не частое явление в истории любого народа. Они составляют предмет его гордости и достоинства, являются свидетельством сохранения в нем нравственных сил и способностей на великие исторические деяния.

Снесарев оставил огромное научное наследство. Оно включает несколько сот статей, десятки книг и большой рукописный архив, который хотя и не полностью, но все же сохранился благодаря самоотверженным усилиям его близких.

В фронтовых письмах и дневниках Снесарев весь как на ладони со своим внутренним миром, делами и поступками. Каждый может принять то, что ему ближе.

Профессор И. Даниленко

Письма с 27 июня по 22 октября 1914 года в бытность начальником штаба 2-й казачьей Сводной дивизии

26 июня 1914 г. Голосково.

Дорогая Женюша!

Начинается второй день моего житья, сейчас 9 часов утра, и в окно моей комнаты смотрит на меня прекрасный день – теплый и слегка пасмурный. Хозяйки меня встретили приветливо, и вчера с одной из них я наговорился вволю. Пока живу один, так как Лев Трофимович [Думброва] поселился в другом месте. Хлопот вчера было целая масса. Начальник дивизии[8] приехал сегодня – в 3 часа дня. Много хожу по саду и думаю все о том, как скоро получат реальную форму «достоверные сведения»… Думаю и о пустяках, – сад так запущенно хорош, вблизи много цветов, которые пахнут страшно сильно, внизу речка, пробивающаяся кусками сквозь зелень… Хорошо. И только вас нет, которых крепко обнимаю и целую. А.

27 июня 1914 г.

Дорогая Женюша!

Пишу тебе из Межибужского замка. Настала у нас горячая пора, и сегодня Легкомысленный уже в хорошей работе. Наше положение с переходом сюда вышло довольно пиковое и трудно сказать, как мы из него выкрутимся.

Я все нет-нет, да и задумываюсь о своих двух подписях. На всякий случай заяви в банке мальчику, что сидит у текущего счета, или даже твоему длинноносому знакомцу, что в мое отсутствие из Каменца по моим чековым требованиям будешь получать только ты и притом лично…

Они поймут разницу: когда я в Каменце, мою подпись надо подделывать, а когда я вне Каменца, то являются еще два случая: украсть или найти чековую книжку.

Здесь пока обо мне никаких сведений нет, сижу я один, и выходит смешно: я, предполагавший отсутствовать, присутствую, и другие – наоборот. До сих пор моих чемоданов нет, и я сплю без простыни на кровати, предоставленной мне хозяйками… подушек три (провоцируют новую кражу), а простыни ни одной. Как-то забываю сказать, да и неловко. Столовать[ся] будем в арт[иллерийском] дивизионе, и это не улыбается: молодежь (семейные едят у себя) ест просто, наскорях, абы как.

Дни стоят хорошие, хорошо и у моих старух, да у вас, вероятно, лучше. Скоро как кончающая институтка начну считать, сколько мне быть в этом самом Межибужьи. При еду домой – и первым делом отлежусь, и потом в порядок приграничные дела, а потом… сам не знаю что, будем с женкой разговаривать о разных материях – высоких и низких. Как ты себя, детка, чувствуешь? Прибавь, милая, жирку пуда на четыре… много, так хоть на четыре фунта, хоть на четыре золотника, если и это много… но только прибавь. Письмо с Колосковым получил. Наранович все про свой обход, характерная черта.

Целую и обнимаю вас всех много и крепко. Отдыхайте, правьтесь, вылеживайтесь. Андрей.

---

[8] Орлов Н. А. – см. Именной указатель.

1 июля 1914 г. Голосково.

Дорогая Женюра!

Вчера из Штаба лагер[ного] сбора я попробовал тебе написать письмо, думая, что н[ачальник] д[ивизии] будет долго смотреть поле, а он через пять минут возвратился, и пришлось оборвать письмо. Это письмо тебе передаст Андрей Михайлович, он и расскажет, в каких мы обретаемся трудах и заботах. Вчера с шести на поле, а прибавь, в 6 вечера поехал с нач[альником] дивизии в автомобиле. Васька (буду так звать Легкомысленного для сокращения) кряхтит, но Сидоренко говорит, что с него как с гуся вода… приходит мокрый весь, не ест, а часа через полтора опять хватает губами то за рукав, то за ремень. Упрямство у него имеется, и порядочное, но стал ровнее, рысь лучше и ездить на нем приятнее. Вчера утром приехал Ник[олай] Алек[сеевич] и мне будет легче, все на него свалю и сам оставлю за собой дирижерство. Погода у нас больше хорошая, но бывает так душно, что случаются солнечные ударчики… меня чуть-чуть хватило позавчера, через часа полтора-два все прошло, вчера Гуславского хватило более сильно, встал из-за стола и уехал…

Твое письмо получил вчера, оно веселое и пейзажное… сцена обливания забавна… дал письмо прочитать Сидоренке, забыл спросить о впечатлении… Известий из Питера все нет, а мне уже надо выехать за границу… поднимать с Леон[идом] Иван[овичем] [Жигалиным] вопроса не хочу, все надеюсь выехать… Что они там думают! Хотя физич[еских] трудов очень много, но духовно я довольно спокоен, и все же мне уже все это надоело: это барачная жизнь, грязь, отсутствие книги, газеты… да и если таковые есть, то не удосужишься их читать. Пиши, детка, папе, чтобы он разузнал хорошенько, да написал нам обстоятельно.

Я прямо не знаю, какой мне держаться политики. Написали ли тебе офицеры о получении денег? Про какой пакет ты пишешь? Может быть, напишешь Ал[ександру] Ал[ександровичу] Самойло относительно моего прикомандир[ования] к Глав[ному] упр[авлению] Ген[ерального] штаба. Все же у меня внутри сидит думка, что я вас, моих славных, увижу и обниму. Мне думается, что мы все поправимся за это лето. Как операция с Кирилкой? Спроси докторов и не упусти время сделать операцию.

Петровский рассказывал мне сцену свидания его с дочерью.

Целую и обнимаю. Ваш Андрей.

2 июля 1914 г.

Дорогая моя Женюрка!

С этим письмом к тебе явится писарь. Прежде всего, дай ему какие-либо калоши; лучше те, что без номеров, иначе во время дождя мне тут ходить нельзя. Затем, в моем левом ящике имеется маленькая папка дел, касающихся предполагавшейся поездки офицеров Ген[ерального] штаба… кажется, там есть синие листы: задание, боевой состав, препроводительная бумага за подписью ген[ерала] Ломновского… Ты все это собери, запечатай сургучом и передай писарю для отвоза мне сюда. Если есть какие еще бумаги на мое имя, напр[имер], относительно границы, то также передай писарю Бойко.

Не забудь заказать у Визенталя мне погоны с шифровкой; Ник[олай] Алек[сеевич] ему заказывал, и он знает, а Бойко тебе объяснит, где он живет (пройдя мост по левой стороне, за Иллюзионом… там прачечная). Повези с собой образчик моих погон. Когда погоны будут готовы, то пришли или с почтой, или с оказией.

Вчера, когда мы были заняты службой, Вик[тор] Мих[айлович] [Савченко] начал услаждать старух декламацией… восторгу их не было конца. Они думают устроить вокально-лите-

ратурный вечер, на котором исполнителями будем я и Савченко. Может быть, это и не будет, но сдобные булки нам обеспечены.

Погода у нас божественная, и сейчас стало немного легче… идут бригадные учения, и я пока могу вздохнуть. Думаю нередко о наших цыплятах, утятах… наших с тобой утятах; как они ведут себя. Я, моя славная, думаю, что если ты и при теперешней обстановке не растолстеешь, то чем тебя тогда кормить и в какой рай всунуть. Вик[тор] Мих[айлович] и, особенно, Ник[олай] Алек[сеевич] понавезли варенья… пришли и ты что-либо, но *немного*… для заманки.

Не продали ли Милэди?[9] Есть ли ишак?

Крепко вас всех обнимаю и целую. Ваш Андрей.

10 июля 1914 г.

Дорогой Женюрок!

Начальник дивизии вчера в первый раз написал своей жене, я же все-таки нахожу время черкнуть тебе, с оказией в 2–3 дня раз. Заняты мы с утра до вечера, на жаре, верхом, в поле… после все это надо обработать и дать распоряжение на другой день.

Хозяйки умоляют тебя прислать с Сем[еном] Ивановичем мои ноты… пришли что-либо. В Подольск[ой] губернии, на юго-востоке, что-то вроде холеры. Смотри, моя славная, за собой и детьми насчет сырой воды, фруктов и т. д. Уже и Наранович пишет, что я назначен, и Новик телеграфирует, а распоряжений все нет. Теперь я спокоен, ибо рано или поздно, а назначен буду…

Спешу, зовет нач[альник] дивизии.

Крепко целую вас всех. Ваш Андрей.

14 июля 1914 г.

Дорогой мой Женюрок!

Позавчера получено приказание возвратиться по зимним квартирам, начали собираться… думали, холеры ради. Но вчера вдруг приказание новое – идти маневром к Городку (22 версты к западу от Ермолинцы), и мы в одну ночь собрались и сегодня двигаемся. Все это облечено в очень сильную форму, чтобы произвести на кого-то впечатление. *Говорю для тебя*: я убежден, что это демонстрация, но ты как моя жена, к которой будут обращаться за вопросами, должна поддержать общую идею, давая понять, что дело идет *о войне*, что ты, мол, получила инструкции от мужа и что, хотя он и скрывает, но между строк сквозит нечто серьезное.

Вик[тор] Мих[айлович] расскажет тебе подробности. Если бы у вас в Каменце зашумели более, чем нужно, и тебе с одним Осипом быть на квартире будет мало, то прикажи переселиться к тебе уряднику Писареву (Ив[ану] Ив[ановичу]) с женой… ему все равно в штабе будет делать нечего. Адрес мой теперь: Подольской губ., М. Городок, мне.

Городок от Каменца отстоит по грунтовой дороге в 50 верстах, а если ехать по шоссе, а потом заворачивать на Городок, то 83 версты (61+22).

Вся эта неожиданная кутерьма может затянуть мой отъезд на границу. Получил от Саллагара письмо, зовет к 21 июля (нашего), но как теперь выехать…

Итак, моя славная, золотая и бриллиантовая женка, мы воюем, ты должна показать себя молодцом, в смысле самообладания, славного патриотическ[ого] тона и веселости… как моей жене приличествует. Если только можно будет, прикачу к вам. Вик[тор] Мих[айлович]

[9] Лошадь А. Е. Снесарева в Каменец-Подольске. *(Прим. ред.)*

будет ждать моих приказаний, когда поедет, передавай ему, что нужно. Вчера старухам отдал открытку, что ты прислала Сидоренко.

Прижмитесь ко мне все – четверка, я вас обниму, расцелую и благословлю.

Ваш Андрей – муж и отец.

21 июля 1914 г. М. Городок.

Дорогая моя Женюрка!

Ловлю минутку, чтобы черкнуть тебе несколько строк. 4–5 суток прошли исключительных, ночи спал 1–2 часа, в результате как-то окаменел и, вероятно, страшно иссох. Теперь стало чуть-чуть легче, на границе спокойнее, лошадей расседлали и пробуем спать раздеваясь. Все же нас от них отделяет не более 25–30 верст, и мы можем встретиться в пределах нескольких часов. Пока войны с Австрией нет, и идет какая-то неразбериха… в Австрии нас трусят [боятся] и теряют золотое время. Завтра начнут подходить наши пехот[ные] части, и наше выдвинутое вперед положение станет более надежным, а затем… мы их раздавим как клопов.

Ген[ерал] Павлов рассказал мне, как вы выехали с двумя стражниками и как они вас усадили на Ларге. Сейчас вы в дороге, и слежу душою за вашим поездным ходом. Мальчишки, которые со мною накануне говорили по телефону, сильно меня заволновали, и их голоски стоят и теперь в моих ушах. Про тебя мне говорили со всех сторон – ты была молодцом, как и должно быть.

Напиши мне, как окончательно вышло дело с деньгами, наведи справки в отделении, что на Каменноостр[овском] проспекте; я думаю, что все это уладится, большие банки не должны мошенничать.

Буду ждать от тебя писем, а сам, если что-либо начнется настоящее, буду тебе телеграфировать, когда попаду на станцию. Живем, как на бивуаке, дадут новое белье, переменю, а то и нет; бриться бреюсь и офицерам велю. Живем у бат[юшки] Садовского, и кормит он нас прекрасно. Волновался я за вас порядочно, хотя ждал, что в Каменеце еще дней 5–6 все будет спокойно.

Ничего не пишешь про наших птенцов, нашу девку. Иконку от Почаева надел и почувствовал себя совершенно спокойно… и вы успели уехать. Обнимаю вас, благословляю и целую мою драгоценную женку с цыплятами. Андрей.

25 июля 1914 г. М. Городок [Открытка]

Почтовая карточка

Евгении Васильевне Г[оспо]же Снесаревой

С.-Петербург. Большая Пушкарская. Дом № 52.

Дорогая Женюра!

Получил три твоих письма с дороги – бодрые и веселые. Пишу тебе на Петербург, если действительно свернешь на Воронеж, как пишешь, то папа перешлет тебе это письмо. У нас все спокойно, работы очень много, но все интересно и приподнимает душу. Осип вчера приехал и все мне рассказал до мелочей. Конь мне достался прекрасный (кобыла выше моего). Общее наше настроение молодецкое, рвемся вперед, только пустят ли? Хотел тебе телеграфировать, да хуже. Обнимаю вас и крепко целую. Ваш Андрей.

27 июля 1914 г. М. Городок. [Открытка]

Дорогой мой Женюрок!

Два дня от тебя не было писем, последнее было из Киева. Воображаю, милая, сколько ты вынесла в дороге, и я уже думал, хватит ли тебе тех денег, которые ты взяла с собою в путь. Но война – война, и у нее свои законы и капризы. Мы сидим тихо в своем углу, и нам всем уже начинает надоедать это безделье. На границе было 2–3 пустяка, более шалостей со стороны наших разъездов – казачишки горячатся почесать руки, да только разрешат ли? Штабной суеты много, и ею занят круглый день; приказал тебе писать Осипу и Сидоренко.

Не напишешь ли ты в Каменец хозяйке нашего замка, чтобы она за ним присматривала или просто бы в него переехала? Послал тебе в Петербург 1000 рублей, мне здесь деньги не для чего, оставил себе 200 рублей, да и те у Вик[тора] Мих[айловича]. Пиши чаще, моя радость и золото. Целую вас всех. Андрей.

Как малыши, описывай.

28 июля 1914 г. М. Городок. [Открытка]

Ненаглядная моя Женюрка!

Сегодня получил твое письмо из Вильны, от 24-го. Воображаю, как вы все измучились. У нас все спокойно, происходят малые стычки между разъездами; с австрийской стороны есть убитые и пленные (сегодня отправили двух), с нашей *почти* благополучно: в нашей еще никого, а в 12-й кав[алерийской] двое раненых. До вчера наше положение было пиковое – были одни, далеко впереди других, но теперь положение много лучше: в 15–20 вер[стах] позади нас уже пехотн[ые] части, и наше дежурство кончилось.

Работы много, каждую секунду зовут то к одному, то к другому телефону, крутишься целый день… настроение у нас бодрое, казаков не удержать, придираются ко всякому случаю, чтобы пострелять… мало у нас новостей, от всех мы отрезаны, сведения доходят на 4–5 день. Жду от вас вестей из Питера. Пиши про деток. Не могу даже посмотреть на вашу карточку. Целую и обнимаю моих милых. Андрей.

Может быть, повидаешь Зайцева и Кремлева.

[Без указания даты] Требуховцы (Австрия). [Открытка]

Дорогая моя ненаглядная Женюра!

С 1 по 7 августа дивизия в непрерывных боях; жив и здоров. Вчера первые значит[ельной] частью перешли границу, и теперь нам будет легче и безопаснее. Я тебе писал свой адрес, повторю еще: «В действующую армию, в штаб 2-й каз[ачьей] св[одной] див[изии], мне». Был и под ружейным, и [под] орудийным огнем, и вышло то, что предполагал: чувствую себя совершенно спокойным, все лежит в гордости… Неделю не переодевался, но сегодня это сделаю, бреюсь и зубы полоскаю нормально. Заказал себе в Городке две пары сапог и чувствую себя молодцом. Лошадь – выносит, имею еще хорошую кобылу; у Сидоренко – прелесть. Ты, вероятно, получила документы, обратись к воинскому начальнику, и он тебе поможет. Христос вас всех благослови. Обнимаю, целую крепко-крепко. Отец и муж Андрей.

Как наши малыши?

20 августа 1914 г. Ходоров.

Дорогой мой Женюрок!

Пишу тебе из глубины Австрии. Прежде всего, я жив и здоров. Писал тебе уже давно, нет никакой возможности: идем быстро, ночуем часто в поле, едим на лету… для писания нет ни места, ни времени, ни орудия. Только изредка поговорю о вас с Сидоренко, да если Осип догонит, то с ним, но сердцем я часто с вами: днем, ночью, вечерком, как только ум освободится от перипетий войны или боя… пережито много и набрано столько впечатлений, что надолго, детка, нам хватит с тобою разговоров. Будет время, буду и писать. От тебя тоже нет ни строчки, но это понятно: почтовая связь налажена у нас очень неважно и, видимо, этому не придают особого значения. Пожалуй, в этом есть и доля хорошего… воевать, так воевать, напрягаясь полным сердцем и разумом. Мы не знаем, ни как идет война за границей, ни даже как она идет на немецком фронте, но у нас она протекает вполне благополучно. Слишком уже много нам выпало двигаться, и, может быть, только теперь мы постоим чуть-чуть на месте… да и постоим ли?

Еще вчера с Осипом беседовали о нашей девочке, что сталось с нею, поди подросла, стала серьезнее, взор сделался осмысленнее! А ты, моя золотая женушка, как выглядишь, где сейчас, какие мысли и тревоги реют в твоей головке? Война идет уже целый месяц, сколько она еще протянется? Напишу еще раз мой адрес: «В действующую армию. В штаб 2-й каз[ачьей] сводной дивизии. Мне».

Господь вас благослови, обнимаю, крещу и целую.

Ваш отец и муж Андрей.

21 августа 1914 г. Ходоров.

Дорогой Женюрок!

Пишу тебе еще, после вчера. В первый раз дневка, после трех недель. Лошади наши измотались полностью, хотя удивительно, как выносливы. Я тебе не говорил, что Жигалин 5 авг[уста] отставлен и на место его Св[иты] Его В[еличества] генер[ал]-м[айор] Павлов. Первый меня успел порядочно известь и незнанием, и робостью; увольнение его – акт очень удачный, хотя может быть, и случайный.

Не знаю, привела ли ты свою мысль в исполнение: поступить сестрой милосердия… мне думается, что это дело не плохое, но ты все равно от меня будешь не близко: мы, кавалерия, все время впереди, а ты очутишься где-либо сзади… А наши малыши? Я не хочу на тебя нажимать, так как считаю твою мысль высокой и строго субъективной, но думал бы, что достаточно и моей работы на пользу родины… и опять-таки смотри. Как мне хочется тебя видеть, я и сказать не могу. Как ни сложно, велико и опасно наше дело, но бывают минуты, когда остаешься один со своими думами, и они летят далеко к тебе, и твой теплый и дорогой мне образ встает передо мною как живой… малыши как-то свернулись в общую кучу и прикрыты тобою… остаешься ты. Я полагаю, что опасный период для нас миновал, и Бог даст, все пойдет по-хорошему. Не знаем только, как идет дело на немец[ком] фронте и, особенно, за границей. До нас доходят слухи, что французы будто бы покидают Эльзас и что Бельгия тоже сдала… Так ли это? Все это может затянуть войну и даже сделать ее непрочной.

Крепко вас всех обнимаю, целую и крещу.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй деда, бабку, Таню.

22 августа 1914 г. Ходоров.

Дорогая Женюрка!

Пишу тебе с М. И. Карпенко, который едет в Киев; оно дойдет лучше. Я жив и здоров. Дел, конечно, много, и писать невозможно. Идем впереди, и почты у нас нет. Впечатлений – масса, на всю жизнь. О других театрах ничего не знаем. Я просил и М. И. черкнуть тебе о моей жизни и состоянии. Как вы там все поживаете? Последнее письмо получил в Городке.

Сейчас иду на рекогносцировку. Обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

31 августа 1914 г. Любен Великий. [Открытка]

Дорогая моя, ненаглядная Женюрка!

Пишу тебе, пройдя 20 верст за Львов. Жив и здоров. Целый август месяц деремся каждый день, и теперь дело становится каждый день все легче и легче. Просил двух докторов подать обо мне из Киева тебе весточку. Что с вами, как-то вы здравствуете? Привела ли свою мысль в исполнение? Как Ейка? Занимаются ли мальчики? От тебя писем нет, впрочем, у нас никто ничего не получает. Попробуй писать на Львов, может быть дойдет. Трудов несем много, но чувствуется нравств[енное] удовлетворение, что делаешь для своей страны дело… Что усталость! Крепко обнимаю и целую тебя, мою голубку, наших деточек, папу, маму… знакомым кланяйся. Благословляю вас. Андрей.

До сих пор стояла сухая погода, сегодня первый дождь. Целую много раз. Андрей.

2 сентября 1914 г. Садова Вишня. [Открытка]

Моя неоцененная женка!

Пишу с оказией: Петровский едет во Львов, где имеется наша контора. Жив и здоров. Стало немного свободнее и могу чаще писать. Все обтрепывается, но понемногу заменяем все добычей… идем впереди, и многое к нашим услугам. Здесь у нас дела идут благополучно и, кажется, также и на других театрах. Пленные говорят уже о мирных переговорах. Как дочка, мальчики? Получаешь ли от воин. начальника деньги? Где ты, моя голубка? Сегодня ночью все думал о Ейке. Как она высмотрит? Начинаются дожди. Теплого у меня всего много. Крепко вас всех обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Из Львова послал вам телеграмму.

4 сентября 1914 г. Самбор. [Открытка]

Моя золотая и ненаглядная женушка!

Сегодня утром получил два твоих письма от 2 и 5 августа, и на меня пахнуло домом и милым-милым гнездом. Пишешь о Ейке и мальчиках, все вы живы, здоровы и веселы… слава Богу. Мы все ломим вперед, посмотри на карту – и ты это поймешь. Теперь у нас почта налаживается, и я начну получать твои письма. Мне говорят, что наши доходят аккуратно, это, пожалуй, важнее.

Новостей у нас никаких, слишком мы оторваны от всех. Я рад, что берешь француженку, не теряй с мальчиками время, занимайся – сама или кто другой… я даже здесь моих людей

гоню на работу, война войной, а работа работой. Крепко целую тебя, мою голубку, и наших деток. Целуй папу, маму, Петровских и Поповых. Что Паня брат? Не тронулся на войну? Что слышишь о знакомых? Целую и благословляю. Андрей.

5 сентября 1914 г. Самбор. [Открытка]

Дорогая ненаглядная Женюрка!

Два дня прожили в этом городе; вчера посылал телеграмму, но не приняли. Жив и здоров, чуть-чуть болела голова эти дни, но теперь лучше… вероятно, немного продуло. Подошли к Карпатам и наслаждаемся их видом. Думаю о вас все больше и больше. На все привычка. Сначала боевые картины слишком поглощали внимание, теперь привык к ним, и воспоминания все чаще и чаще поворачиваются к вам. Вероятно, вам приходится читать о конном отряде Павлова. Это наш. В адресе не упоминай 12-го корпуса, а прямо действующую армию или 2-ю каз[ачью] сводную дивизию. Как ты, золотая моя, себя чувствуешь? Спокойна ли или нервничаешь? Поправилась ли или наоборот? Крепко обнимаю, целую и благословляю вас четверых. Целуй папу, маму. М[уж] и от[ец] Андрей.

5 сентября 1914 г. [Открытка]

Дорогая моя Женюрка!

Жив и здоров. От тебя получил два письма от 2 и 5 августа. Вероятно, другие получу сразу кипой. Жив и здоров. Подходят холода. Думаю, что ты можешь направить мне теплое пальто. Сам я попробую здесь приобресть что нужно. Жив и здоров. Сидоренку 2–3 дня лихорадит, у меня слегка болела голова… продуло, вероятно. Начинаем получать газеты и уже менее отрезаны от мира.

Обнимаю и целую вас. Муж и отец Андрей.

8 сентября 1914 г. Старый Самбор.

Золотая моя женушка!

Подошли к самым Карпатам и стоим у их подножья… в том самом месте, которое воспевается Пушкиным (Лжедимитрий и Марина). Окрестности прекрасны, воздух чист и свеж. Выпадают дни, когда мы можем немного приотдохнуть. Вчера пришел целый ворох писем, но от тебя нет. Как ты их направляешь? Может быть, мое положение начальника штаба мешает мне получать их? Мы столько развели секретов, что они мешают иметь от вас самые насущные сведения. Пробуй, голубка моя, направлять письма всячески, т. е. одно и то же письмо, но с разными адресами… мы так делаем, когда кругом препятствия. Заставляю писать тебе и Осипа, и Сидоренко. Начинаю скучать по вам, особенно по тебе… малыши наши – что им, сыты, обуты, заняты своими детскими заботами, а ты, моя детка, полна тревоги, дум, и мне хочется быть к тебе ближе, обласкать и успокоить тебя.

Мы ничего не знаем о нашем немецком театре, и нас это сильно интригует… конечно, не немцам нас колотить, а все же дело там идет как-то вяловато. Хорошо хоть, что французы дали им по шапке, а то я сильно боялся, что они сдрейфят. Твои письма (2 и 5 августа) мы трое читали несколько раз и ждем еще новых. Я тебе писал о теплой одежде; я думаю, мне нужен полушубок (*легкий* и не особенно длинный), валенки и сапоги, больше, вероятно, ничего. Купи и высылай по адресу: «Действующая армия, в штаб 2-й каз[ачьей] сводной дивизии. Мне». Пиши о знакомых… кто где? От Наумова (из Ниж[не]-Чирской) получил письмо… такие доходят.

Крепко вас: тебя, Генюшу, Кирилку, Ейку, папу, маму… Поповых, Петровских… обнимаю, целую, а вас, четверку, и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

9 сентября 1914 г. Старый Самбор.

Дорогая моя и золотая Женюрка!

Пишу тебе с оказией: едет в Каменец Писарев за теплой одеждой и опустит письмо у нас… Все время прибаливала голова, вероятно от простуды, но сегодня горный воздух сделал свое дело и стало лучше… Сапоги одни отдал Сидоренко, остались те, что на мне, и еще одни запасные; купить негде, всюду штиблеты. Остальное все или покупаем, а нет хозяев – берем.

На Львов уже есть жел[езная] дорога, а сегодня уже и Львов будет связан с одним пунктом, который от нас в 17 верстах; по-видимому, в тылу дело это у нас налажено. Как-то ко мне затесалась одна бумага по разграничению; посмотрел я и улыбнулся: требовали какой-то отчетности. А между тем я сам еще и теперь не получил 3000 из Каменецкого казначейства; так и вожу с собой ассигновку… все это будет ждать, пока не будут решены более крупные вопросы.

Как у тебя идут наши хозяйственные вопросы? Месячных денег тебе хватит, но как наши долги, земля? Как ты крутишься и решаешь теперь все эти темы? Мне кажется, что к концу этого года мы должны сильно, если не совсем, очиститься от наших обязательств. Хорошо бы; а затем, по окончании войны, приотдохнуть немного или поездить кое-куда. Все это мечты, которые стараешься гнать, едва только они придут. Сначала кончить одно дело, решить его в корне, чтобы был мир для всех, а потом мыслить и о личных вещах. Пробуем говорить об Ейке, Кирилке или Генюше с Осипом или Сидоренко и чуем, что время уже прошло большое и в них большая перемена; трудно уже и представить, какие они стали, особенно Еичка, да и Кирилка. Писареву наказываю хорошенько посмотреть нашу квартиру; Портянко говорил, что все в порядке, съедено лишь варенье, живет родственница нашей глухой… Буду говорить, чтобы доглядывала и хозяйка, это в ее интересах. Жду, все жду твоих писем; хотя я и спокоен, что все вы живы и здоровы, но все же прочитать твои милые строки, перенестись к вам мысленно… так хочется. Крепко вас обнимаю, целую и благословляю тебя – мою милую – и деток.

Ваш отец и муж Андрей.

Кланяйся Поп[овым], Петр[овским] и знакомым, воображаю, сколько у вас разговоров. Андрей.

Письмо это будет опущено или в Волочиске, или в Проскурове.

18 сентября 1914 г. Борыня.

Дорогая золотая моя Женюрка!

Давно тебе не писал за ежедневной сутолокой. От тебя писем нет по-старому, но от Каи случайно залетело таковое от 15 августа из Воронежа; она пишет, что наши малыши немного поболели, но что теперь им лучше… ее вставка о тебе хотя и краткая, но бодрая и успокаивающая. Я думаю, на детках наших сказался петербургский климат, к которому особенно девице нашей надо привыкать, мальчики-то, думаю, его скоро вспомнят. Относительно почты нашей мы страшно ругаемся: никто ничего не получает; это отчасти нас и успокаивает, так как не может же никто нам не писать… за свою дорогую лапку я говорю уверенно, где-то лежат ее милые письма, целой грудой. Нас успокаивают, что наши-то письма по крайней мере до вас доходят исправно. Ты, вероятно, заметила, что я прилепливаю марку и, кроме того, печать для

крепости, хотя достаточно одной последней: мы имеем право писать к себе домой бесплатно, лишь прилагая печать.

Я жив и здоров; благодаря приподнятой атмосфере даже моя голова перестала болеть, но люди у нас заболевают то животами, то лихорадкой… у Осипа вспухла рука, Сидоренко все время от времени лихорадит… но все это пустяки, лишь кончить наше великое дело. Имеем сведения, что в России все бодро смотрят на будущее, это хорошо звучит и из маленькой приписочки Яши [Комарова]…

И как странно читать, что в такой момент болеет Вера, что у нее делали такую-то операцию и т. п.; оказывается, личные страдания идут своим чередом и не считаются с переживаемыми моментами… Я тебе, моя детка, не пишу о наших делах; ты поймешь, почему: мы так далеко впереди и иногда бывали временно даже и отрезываемы мелкими партиями; письмо может попасть и ориентировать нашего противника. Будем живы-здоровы, все с тобой вспомним, поговорим, переживем…

Война интересна тем, что она дает возможность человеку познать самого себя; удивительно, как она кристаллизирует людей, переоценивает их; тех людей, которых я наблюдал в мирное время и которых я наблюдаю теперь, я часто совершенно не могу сблизить между [собой]… Это разные люди! Яша [Ратмиров] пишет, что землю нашу продали, и спрашивает, куда выслать деньги. Напиши ему, чтобы деньги он выслал тебе в Петроград, а ты их положи на текущий счет, будь только, дорогая, с ними осторожна и, не посоветовавшись со мною, ничего не начинай. Мы с тобою уже учены и хорошо знаем, как деньги притягивают к себе разных проходимцев. Отсюда в Каменец поехал Писарев и привезет мне теплую одежду. Сапоги мои еще держатся, да есть еще одна пара. Если бы ты могла мне сшить да прислать, это было бы тоже неплохо, хотя это так, к слову… целых две пары. Последние 3–4 дня идет дождь попеременно со снегом: стоим высоко (высота вроде Ошской), холодно и ветрено, но воздух хороший, чувствуются горы, их склоны, синева…

Завтра едет Савченко за всем и за письмами, и быть может, поймает и твою пачку. Твои два письма получил в разгар боя, но дали мне уже их на другой день (трудно было под огнем разбирать)… Заставляй старшего сына писать мне письма; мне так мила здесь каждая из ваших строчек; придут они все пачкой, но ведь и газеты мы читаем месяц спустя. Дай твое личико и глазки, моя драгоценная женушка; будь у детей, с ними много у тебя заботы. Подставляй всех малышей, я их буду целовать во все места, по очереди.

Пиши знакомым, чтобы писали… все какое-либо и дойдет.

Крепко вас обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

22 сентября 1914 г. Барыня.

Дорогая моя и золотая женочка!

Приехал какой-то казак купец и привез от тебя письмо из Деражни, письмо от 15 сентября… большущий подарок. Я казакам еще не даю его читать, все сам перечитываю. Это третье письмо от тебя, других писем, а также посылок я не получал. Я рад, что вы здоровы и веселы, я так и думал: теперь не время ныть и предаваться праздным скорбям. Сейчас по газете узнал, что Иван Львович Чарторижский назначен Тарнопольским губернатором. Когда-то мы шутили на эту тему, а теперь вот, оказывается, правда. Может попробовать некоторые письма направлять мне через него; он снесется по телефону со Львовом и лучше перешлет их мне. Прочитал про Л[еонида] И[вановича] [Жигалина] с грустью: старика, конечно, жаль, как всякого несчастного и обездоленного, но для дела его удаление было спасением, это мне теперь совершенно ясно.

Относительно квартиры нашей особенно не беспокойся; я имею право не платить со времени объявления мобилизации… впрочем, лучше сделать по-хорошему. Ты, по-видимому, с детворой хорошо устроилась, мальчики пойдут вперед естественным и незаметным путем, а девчонка будет болтаться около. Сколько платишь за квартиру? Получаешь ли в Петербурге деньги, которые я тебе определил? Хорошо было бы, если бы в Каменце ты застала Писарева и с ним отправила бы все вещи. Посылать тебе свое статское не буду: оно не занимает много места, а в пути может пропасть.

Письма в Петроград и телеграммы я посылал по старому адресу, и если они не дошли до тебя, то справься и ты их найдешь… У нас сейчас довольно холодно и грязно; идет дождь вперемежку со снегом. Пришлось вчера сделать около 30 верст, и вернулся весь по уши грязный, сапоги начинают сдавать… вода не проходит благодаря калошам, а крупинки грязи как-то попадают. Из этого горного местечка я пишу тебе уже второе письмо. Нам немного повезло: стоим на одном месте шестой день, это в первый раз, раньше максимум (Ходоров) оставались три дня. Между прочим, недалеко от Ходорова, находится деревня Псари[ы?], родовое имение Псары-Псарского; когда-то он из него мне телеграфировал через Ходоров… я еще не мог понять. Где они теперь? Как себя чувствуют?

Хочу сейчас заставить Осипа написать тебе несколько строчек… у него вспухла рука, и он мается вторую неделю. У меня накопились деньги, и думаю их как-нибудь тебе перевести. Позавчера вытащил нашу «лестницу», всем показывал и сам любовался… вынул в первый раз. Давай, моя золотая, твои глазки, личико… буду их много целовать, и подставляй малышей один за другим.

Обнимаю, целую и благословляю вас.

Ваш муж и отец Андрей. Целуй папу, маму, знакомых.

27 сентября 1914 г. Подбужье.

Дорогая моя, ненаглядная и золотая женушка!

Сегодня у меня огромный праздник: я сразу получил целую кипу твоих писем. У меня было много дела, и они полежали около меня с полчаса, а затем я начал их читать… Рядом с твоими пришло письмо от Фроловой, которая спрашивает меня, что сталось с Виктором Михайловичем; я знаю что вначале из Городка он ей писал много, а теперь, кажется, стал писать мало, да и письма не доходят. Буду ему сегодня говорить, когда придет обоз, он у нас обыкновенно при обозе; и странно, письмо ее вскрыто военной цензурой, а из твоих – дошедших – ни одно. Очевидно, к твоей руке привыкли и знают, что пишет моя жена, а она лишнего не напишет.

Возвращаюсь к твоим письмам; их я получил утром, а вечером, быть может, получу и твою посылку, о ней мне уже передали. Тебе сказали правду: Голубинский и Костя Зимин убиты, первый под Бучачем 10 августа (у Джурина, как говорят официально), второй – через день, 12 августа, под Монастержеской… Я не хотел тебе писать об этом по многим причинам. Есть у нас и убитые (немного), и раненые, ты можешь об них прочитать, а теперь в Каменце, вероятно, и узнала. Мне как-то не хотелось быть вестником смерти, да и люди-то все близкие… мы и в своем-то кругу стараемся об этом говорить поменьше. Пишу я тебе обычно при первой к тому возможности, но таковая приходит очень редко, то дело какое-нибудь, то работа по штабу; тому объясни, того успокой… не видишь, как пролетел день, а подойдет время ко сну (часто часа на 3–4, а то и меньше), бухнешься как мертвый; да часто и писать нельзя и нечем… поле, где и ночуем.

Письма твои оживили мне все, что у меня самого дорогого. У вас дело налажено, мальчики учатся, девочка болтается. Это письмо – только что узнал – тебе передаст мальчик Архип, который служит генералу Павлову. Дай ему что-либо для меня; если ты переслала мне пальто,

башлык, то мне надо бы еще сапоги (простые и просторные) и теплые чулки… последнее особенно важно. Архип тебе кое-что расскажет. Скажи Любови Юлиановне, чтобы она не беспокоилась о Сергее Михайловиче: к нам на фронт он приезжает сравнительно редко, более в обозе первого разряда или в тылу по хозяйственным разъездам, под огнем бывает как редкое исключение. Федорову передал о ваших встречах, он очень доволен; передай это жене, когда с нею увидишься. Архипу много не давай. Ему разрешено провезти только мне. Мысли путаются, и хочется много сказать, и забываешь, и остерегаешься. Черкни с Архипом, получаешь ли ты деньги? Я просил Пуцилло переслать тебе 1000 рублей, получила ли? Адрес пишу, как видишь; у тебя дом стоит и 11/89 и еще 11/13 … поправь, как надо. Если деньги не дойдут по адресу (у Пуцилло нап[исано] Пет[роградская] Сторона, Малый проспект, д. 11/89), то наведайся в почтовую контору. Зовут обедать. Засиделись за рассказами и просмотром юмористического журнала. Завтра, если успею, напишу еще…

А теперь, моя редкая, давай глазки, буду их целовать без конца. Целуй деток. Обнимаю и благословляю. Ваш отец и муж Андрей.

Кланяйся знакомым.

P. S. Что нашла в Каменце? Думаю, что захватишь там Писарева. Ложусь спать, час вечера… во сне увижу тебя…

28 сентября 1914 г. Пидбуж.

Дорогой мой жен!

Архип еще не уехал, и я пишу вновь. Ты спрашиваешь, с кем я играю в карты? Я улыбнулся, читая этот вопрос. Играем в карты с австрийцами… и только. В Ходорове я сел, но через 40 минут бросил, что-то было нужно. В Барыне поиграл часа два. Всего за два с половиной месяца два раза. Совершенно никакого интереса. Так устаем, и так все, кроме нашего дела, рисуется пустым и преходящим, что не поймешь, как мог играть в мирное время. Война – это что-то особенное, она все меняет, все освещает под своим углом, все расценивает и раскладывает по-своему. О ней книги написаны, а ничего ясного не сказано.

Очень тебя в свое время обеспокоил уход Л[еонида] И[вановича] [Жигалина], ты думала, это и на мне как-либо отзовется. Ты права в том смысле, что отозвалось бы, если бы он оставался, потому что с ним можно испортить все, а с этим и свое имя, но он ушел… Это счастье для дела и для меня лично. Об этом поговорим потом. Я тебе говорил о сапогах, теплых чулках; мне еще нужны ночные рубашки, если можно, с воротничками. Кальсон у меня много (нашел на пути), а рубах нет. На походе я полюбил какао и пью его с большим удовольствием… т. е. пил, его нет у нас уже две недели. Пышки иногда устраиваются, и я блаженствую, а товарищи подшучивают. Нас небольшая штабная компания, вместе с генер[алом] Павловым (входит часто и А. Н. Ончоков), и мы живем дружно и тесно… хотели сняться, да не нашли фотографии […]. Третий день стоим на месте и облегченно вздыхаем. Осип и Сидоренко перечитали все письма и очень довольны… все анализируем и делимся впечатлениями: большой нам праздник. Зовут обедать.

Целую мою ненаглядную женку и наших птенчат.

Ваш отец и муж Андрей.

29 сентября 1914 г. Пидбуж.

Дорогая моя Женюрка!

Едет офицер в Киев за покупками для офицеров, и я пишу тебе. Я заказал ему валенки, сапоги, теплые чулки и башлык. Если от тебя получу кое-что из этого, будет неплохо: лучшее

оставляю себе, другое Осипу или Сидоренко. Получили от тебя вчера две посылки – теплые вещи и еду; все разобрали, ребята в восторге; я их благословил, икону передал Васкевичу… Сейчас Сидоренко перебирает белье… всего много, но ночные рубашки без воротничков и горло голое… крахмаленых мы давно не носим. Сегодня был в бане и чувствую себя чистым и легким. Бриться позволяю себе дней через 4–5, когда позволяют австрийцы; зубы полоскаю дня через 1–2 (теплой воды и зуб[ного] порошка достать труднее). Словом, все мы стараемся при первой возможности приблизиться к человеческому образу. Теплые чулки твои надел вчера же и… славно. Сколько ты получаешь, напиши мне, я забыл; хватает ли? Деньги пусть лежат в Торгово-промышленном банке, сколько дают процентов? Надо бы, чтобы давали не менее 4,5 %, а то и более. С этим же офицером, если возьмет, пошлю тебе 800 рублей. Пуцилло переслал тебе только 400.

Смеялся много над письмами мальчиков и дочки, делился и с товарищами. Сегодня после трех недель перестало лить, день ясный и достаточно теплый. В своем адресе ко мне не прибавляй 12-й корпус, мы давно не в нем, а из-за этой приписки письма далеко залетают. Просто: «В действующую армию, во 2-ю каз[ачью] Сво[дную] дивизию. Мне».

Надо приниматься за дела.

Крепко вас всех обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Сейчас произвел мену рубах: Васкевич дал мне две ночные, а я ему две крахмальные… кажется, оба мы довольны. Федорову о матери не говорил, а о ваших встречах с женой говорил… доволен. Где Зайцев, Кремлевы и Виноградский?

Целую золотую, обнимаю и благословляю Андрей.

9 октября 1914 г. Дрогобыч.

Дорогая моя Женюрка!

Опять воевали и ходили подряд несколько дней, и я не мог с тобой поговорить. Здесь второй день, и я берусь за перо. Прибыл Писарев, и я его высосал дотла, хотя кругом рвалась шрапнель и он с непривычки к ней чувствовал себя не совсем хорошо. Я заставил его рассказать все, что он говорил, что ты отвечала, как ты выглядишь, как твое лицо, улыбка, грусть… все, что он мог и умел. Он мне искренно поведал, что сказал лишь про маленькое ранение Легкомысленного и больше ничего. Я одобрил его идею. Он привез подарки казакам от Мариинских гимназисток, пересланные мне графиней при любезной приписочке. Эти подарки только сегодня мы могли раскрыть и отдать одному полку – Линейному, ибо другой Волгский – на позиции, завтра передадим и этому. Вчера и сегодня получаем добрые вести и сердца наши радуются… наконец, начинаем нажимать мы, а они начинают подаваться. В последний момент австрийцы собрали последние усилия и неплохо продержались несколько дней… Я охотно признаю за ними это запоздалое, но красивое усилие.

Мы спустились с гор и теперь чувствуем себя хорошо, к тому же прекратился дождь и погода стоит благодатная. Я только что (в доме миллионера жида[10]) взял ванну, купал меня Осип, и мы с ним говорили вволю… и о вас, и о войне, и обо всех вещах, доступных его и моему пониманию. Может быть, мы постоим тут еще, и я напишу тебе вновь; сейчас берусь за работу. Дай мне твои глазки, моя лучшая из жен, и давай малых; я вас всех-всех расцелую крепко-крепко. Обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

[10] Общепринятое в то время в западных районах Российской империи и австрийской Галиции название евреев.

Если хочешь, спроси у Самойло, что я заработал… мы здесь ничего не знаем. А.

11 октября 1914 г. Дрогобыч.

Дорогой мой Женюрок!

Привез Писарев мне от тебя письмо и вещи. Это было дней 5–6 тому назад, и вновь ничего нет. Теперь жду, что мне привезет Архип, которого я и начальник дивизии ждем с большим нетерпением. Стало у нас несколько спокойнее, больше свободного времени и больше стало тянуть к вам… и понятно – или воевать, или жить дома и получать те радости, что дает свое гнездо…[…]

Полушубок получил (забыл написать), и он прелесть – теплый и легкий, надевать пока не пришлось. Все твои сласти и закуски пошли в общее пользование; Сидоренко все время ворчал и кое-что удержал на будущее: кусок масла, какао, еще что-то… «Они все поедят в один присест», – говорит он мне в объяснении. Только печенье (с прослойками) я удержал в своем полном распоряжении и съедал (украдкой) по 5–6 штук в сутки. Мне было стыдно, но эгоизм брал верх. Дело в том, что все время мы живем на черном хлебе, не всегда хорошем, пышки бывают как редкость, и по всему мучному я сильно скучаю. Надо мною товарищи острят, но казачишки бьются изо всех сил, чтобы достать муки и масла, ездят по окрестным селам, и кое-когда мне добывают… В нашей маленькой боевой семье по этому поводу бывает праздник и начинаются по моему адресу шутки… Наша «лестница» вновь вынута из сундука, и мы все на нее любуемся… […]

Сейчас получили приятные новости с театра у Варшавы, и мы все в восторге. К тому же, погода благодатная, и на душе тихо и уютно. Только вы далеко, моя золотая четверка, я несусь мыслью к вам, и в моем засушенном кровавыми картинами сердце поднимаются забытые теплые тревога и тоска… Три месяца видеть смерть, кровь, жертвы… это закаляет, делает человека жестко-спокойным и отучает от тихих грез мирного времени… Мы по-прежнему живем в доме миллионера-жида, в блестящей обстановке, только есть нечего, кроме мяса и черного хлеба.

Напиши мне, Женюша, какие ты получила деньги, чтобы мне все сообразить и подвести итоги. У меня еще осталось около 200 рублей, из которых я заплачу все свои издержки по счету за два месяца, конечно, еще кое-что останется. Скажи офицерам-топографам, чтобы они заранее заготовили свои отчеты, если они в Петербурге. Ну, подходите все, и я вас начну всех обнимать и целовать. Обнимаю, благословляю и целую. Ваш отец и муж Андрей.

P. S. Относительно Саши Попова трудно что-либо сделать. Андрей.

В адресе ко мне не упоминай 12-й корпус.

13 октября 1914 г. Дрогобыч.

Дорогая моя Женюрка!

[…] Сейчас мы трогаемся в путь, и я спешу. Жив и здоров. Осип тебе расскажет все, и хотя он возле меня бывает не часто, но от Сидоренко и товарищей слышит много и тебе передаст. Ждем с нетерпением Архипа. У меня еще одна пара теплых сапог, два башлыка, добавок из Киева, привез офицер. Теперь я на зиму одет. Направляемся опять в горы. Погода хорошая.

Обнимаю вас, целую и благословляю. Ваш отец и муж Андрей.

Только что получил от Зимина твои письмо и посылку… читаю. Тебе офицеры должны были бы объяснить наш маршрут… Кривым по всей Австрии, как ни одна другая часть. Целую. Андрей.

18 октября 1914 г. Ластовка.

Дорогая моя Женюрочка!

Вероятно, к вам скоро пребудет Осип. Он все порасскажет. В день его отъезда я должен был выбыть из Дрогобыча на юг и не мог с ним поговорить как следует. Ждем с нетерпением Архипа, который должен был бы уже давно к нам вернуться… Сейчас были в районах бедных и живем на баранине и черном хлебе… особенно последний. Я прямо мученик, и войну иначе себе не представляю, как такое времяпрепровождение, когда приходится есть черный хлеб… Мои товарищи не чувствуют этого лишения, особенно из утешающихся винами (которых всюду на земном шаре)… Начинаются холода, но полушубок свой я держу пока в запасе, на больший холод. Мое крашеное пальтецо служит (при теплом нижнем) хорошо, хотя во многих местах выцвело.

Наша жизнь начинает всем приедаться… дел больших для кавал[ерийской] дивизии нет – теперь пора настала для пехоты – и мы чувствуем себя вроде пасынков. Для больших движений нас не пустят, а работать в качестве пехоты и не умеем, и скучно… Новостей у нас нет, и мы страшно по ним скучаем. Слыхали про три удачи около Ивангорода и Варшавы, а потом ничего не слышно… догадываться нам трудно, живя в трущобах. От тебя опять писем нет после 27 сентября, присланного с М. И. Зиминым. Думаю, за четыре месяца малыши сильно изменились… все это растет, тянется. Генюша серьезничает, Кирилка превращается в отрока, Ейка раскрывает все большие и большие глаза на свет Божий… а как ты высматриваешь, моя голубка? Как искал я по фронту М. И., чтобы порассыпать[?] его… его не было; на дороге он меня догнал, чтобы сказать, что он тебя не видел, а посылку получил от Шуры, так у меня и [нрзб.]ло все. Теперь нам расскажет Архип. Собирайтесь все в кучу. Я вас обниму, расцелую и перекрещу. Ваш отец и муж Андрей.

Целуй всех. О Саше Попове мне что-либо сделать трудно. Андрей.

22 октября 1914 г. Дрогобыч.

Дорогая моя Женюрка!

Сегодня получил от тебя письма от 2–3 октября и был в восторге. Подумать только, письма через три недели, да это прямо вчерашнее. Скоро приедет Архип, а потом и Осип. Все это приближает вас ко мне, и я чувствую себя в своем уголку. Сегодня же мы получили веселую весть о пленении 14 000 немцев, 200 офицеров и 40 орудий; даже на позициях кричали «ура». Слава Богу, все идет благополучно. […]

Относительно Зайцева, как и Саши [Попова], мне трудно устроить, так как мы на отбросе, всегда впереди всех, перелетаем из одного места в другое… и ни от нас никуда, ни к нам ни откуда. Я получил от Яши [Ратмирова] письмо, в котором он спрашивает меня о своих пасынках. Черкни ему, что мне навести справки гораздо труднее, чем кому-либо другому, включая и его самого. Тон его письма несколько обидчивый, как уже давно относительно меня, но теперь я уже прямо не могу ему ответить.

Странно, ко мне сюда обращаются со многими просьбами, которых я удовлетворить не могу, и я хотел эти послания заменить хотя бы половиной от моей милой женушки. Теперь мы нет-нет, да и постоим на месте, и мои лошади, особенно Легкомысленный, жиреют с каждым днем. На днях он меня сбросил на землю, как мячик. Я пропускал мимо себя колонну и ехал шажком, заложивши палочку в поводья, и вдруг он два пируэта задом, и я бух на землю; хорошо, что земля была мягкая, почистили меня, и я, севши, заставил Баловня пройти сплошным галопом почти две версты: упарился, измок и успокоился. Теперь его и Машку проезжают каждый день, во избежание сюрпризов.

Получил от вас всех письма, включая и Ейку; она оказывается мастерица приклеивать карточки. Те вопросы, которые задают мне сыны, вероятно уже достаточно освещены Осипом. Мы с Сидоренко представляем себе картину, как они все повиснут у него на шее и как начнут высасывать из него все сведения, для них интересные, какие у них будут глаза, какая река вопросов. […]

Мальчикам я писем не пишу, нет времени, да и удобств, а они пусть пишут, их каракули живее мне представляют вас всех, я чувствую, что ближе к вам, с вами. Я стал еще суевернее, чем был, так как много пережито, и ты, моя золотая, может быть чувствуешь на моих письмах. Я невольно избегаю говорить о надеждах, будущем, прошлых удачах… хочется как-то говорить более шаблонно, как уже говорил и как сошло… На войне так много случайностей, что причинность не улавливается, и ее начинаешь искать всюду, на всех мелочах… Пиши, моя радость, теперь письма идут лучше, твои строки дают столько ласки и радости в нашей суровой обстановке. Крепко вас всех и тебя, мою голубку, обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Письма с 31 октября 1914 г. по 11 октября 1915 г. в период командования 133-м пехотным Симферопольским полком (34-я дивизия VII корпус 8-я армия)

Самбор, 31 октября 1914 г.

Дорогой мой Женюрок,

позавчера проходили мы мимо ком[андую]щего армией и были приглашены пообедать, и мне был задан вопрос, хочу ли я командовать полком; я ответил утвердительно, и со вчерашнего дня я командир 133-го пех[отного] полка, в мирное время стоящего в Екатеринославе. Позавчера же вечером и вчера утром я распростился со своими товарищами и теперь на пути к своему полку. Адрес мой пиши так: Е[го] В[ысоко] П[ревосходительству] Ан. Е. Снесареву. 133-й пех[отный] Симферопольский полк. В действующую армию.

За делом никаких проводов, конечно, не было, но и мне, и моим друзьям было не легко пожать друг другу руки. Взял с собою Сидоренко и буду ждать Осипа. Полком раньше командовал Картацце [Кортацци] (тоже офицер Ген[ерального] шт[аба]), и полк считается прекрасным. Судя по его стоянке, состав офицеров должен быть очень хорошим.

Прибыл Архип и привез нам ваши подарки и новости; за хлопотами и его не удалось высосать, как следует… знаю только, что вы живы, здоровы и веселы, а это и самое важное. Вчера ехал со скоростью 12 верст в час и шел на Машке, а Легкомысленный шел на поводу и так ушиб себе как-то ногу, что пришлось его оставить на излечение. Через 4–5 дней, говорят, он выправится… мы с Сидоренко огорчены. Эту ночь мы спали с ним здесь в одном N, и он на мягких пуховиках так храпел, что стены вздрагивали; утром еле его добудился.

Здесь полный тыл, который представляет удивительную для моего глаза картину: карты, вино, женщины. Офицеров масса, и откуда только все они; типы все подозрительные, вероятно, из улизнувших с фронта. Здесь-то и плодится масса всяких слухов, растущих на этой благоприятной для них почве.

Ты, моя золотая, не совсем будешь рада моему назначению, но что делать? Это мой долг и его надо выполнить, по силе разумения и духа; да и времена теперь полегче. Крепко вас всех обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Спешу; напишу подробнее из полка. Андр[ей].

Сянки, 5 ноября 1914 г.

Дорогой мой, золотой и ненаглядный Женюрок,

все мои мысли летят к тому дню, когда 10 лет назад мы стали с тобою мужем и женой; я думаю, что письмо это придет к тебе в этот день или около; наряжаю для сего специальную почту. Я смотрю назад с чувством благодарности Богу, во-первых, и с чувством признательной радости, во-вторых. А тебя, моя золотая и неоцененная рыбка, благодарю и за тех трех детей, что ты мне подарила, и за ту сумму радости, благ и поддержек, которые ты мне оказала. В теперешний великий момент я не могу придумать и выполнить какой-либо памятки, вроде брошки и т. п., но ты-то, моя ласковая, поймешь это лучше других и меня за это только одобришь.

Подставь твою головку и губки, я тебя прижму и расцелую бесконечное количество раз… и пока на этом поставим точку.

Я пятый день со своим полком и 1–3 ноября вел бой, особенно сильный 3-го и притом в тех местах, в которых мы уже когда-то боролись. Чувствую себя так, как некогда в Памирском отряде. Приехал я к полку как снег на голову: сначала до штаба армии верхом со скоростью 12 верст в час, там выпросил автомобиль, с которым доехал до Самбора, где сделал все расчеты, оттуда в штаб корпуса на лошадях, оттуда вновь выпросил автомобиль до штаба дивизии, здесь через полчаса сел на ординарческую лошадь и по горам, с двумя вестовыми, в темноте добрался до горной деревушки, где стоял штаб и часть полка (половина его была в двух верстах впереди на позиции)… На другой день с утра пошел с полком в бой…

Сейчас сижу в том же доме, в котором уже был полтора месяца назад (только теперь в верхнем этаже), возле меня работают адъютант и один прибывший по выздоровлении офицер, а взад-вперед ходит живой непоседа – начальник разведки. Первый день моей боевой работы с полком пришлось ночевать в поле на перевале; меня кое-как устроили, как могли, но все же было не особенно приятно и померз порядочно; мои вещи и шуба отстали от меня и нагнали только 2 ноября.

До сих пор Осипа нет, и я несколько боюсь, что он где-либо запутается. Сидоренко при мне и сначала чувствовал себя одиноким, но дали нам 6 казаков, он был попервах с ними, а теперь привыкает и к солдатам. Жизнь с пехотой другого склада, но также интересна и представляет свои прелести. Офицеры производят очень хорошее впечатление, видимо, люди подобранные, имеющие средства, гордые своим полком и довольные своей стоянкой. Многое мне в них напомнило мой Екатеринославский полк.

Первое письмо я писал тебе наскорях и боюсь, моя детка, несколько попугал тебя деловым тоном своих строк: слишком уже я торопился все кончить и спешил сюда, так как здесь назревало серьезное дело (позавчера я потерял 3 офицеров ранеными и более 100 чел[овек] убит[ыми] и ранен[ыми] нижних чинов), и мне стыдно было бы не успеть быть с моим полком, тем более что у Павлова нашла полоса затишья и еще дней 5–7 не предвиделось какого-либо дела. Но довольно о делах. Мне вновь вспоминается 12 ноября, и я вновь хочу целовать и благодарить мою старушку-женку за то хорошее и доброе, что она мне дала.

Обнимаю, целую и благословляю тебя и наших деток много-много раз.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй и поздравляй папу с мамой, и благодари их от меня. Ан[дрей].

Лопушанка, 11 ноября 1914 г.

Дорогая моя Женюрка,

командирую казначея полка для получения денег и для отправки, между прочим, тебе 500 рублей, которые накопились у меня за последний месяц. Мы с Сидоренко немного расквасились: он мучается с зубами, плачет и сейчас идет рвать себе зуб, а меня целую ночь тошнило и только час тому назад вырвало, и я почувствовал сразу облегчение. Дело в том, что мы теперь объедаемся: офицеры получили всяческие яства, и после минувшего сухоядения трудно удержаться от жадности. Сейчас пишу тебе письмо и пью чай с лимоном… глотками и совершенно без ничего.

Сейчас сидим на месте, кругом нас зима, и я постепенно принимаю полк; осталась хозяйственная часть, над которой работает комиссия. Забот много, заботы новые и интересные. Вчера гулял по селу и слегка наводил порядки: то на счет пищи или хлеба, то относительно ковки лошадей, похвалишь одного, поругаешь другого и т. п. В штабе дивизии начальником штаба Думброва, который (старше меня) с получением полка задержался, проявив на войне

неподходящие качества… он все такой же болтливый до бесконечности; страшно поднимать с ним какую-либо тему… помнишь его приезд к нам в Лахту? 4-м полком в дивизии командует Черкасов, которого ты, верно, помнишь по Туркестану; изменился мало, но только лицо стало длиннее, как и усы. Говорят, что очень неровен и ведет себя уединенно. Двумя остальными полками командуют также офицеры Ген. штаба. Присматриваюсь к офицерам и нахожу повторные типы, какие наблюдал в своем полку и в других; править ими – самая мудрая часть будет. И как хорошо, что я не получил какого-либо Тмутараканского полка с тмут[аракански]м составом офицеров. Это создало бы много лишней работы и лишних тревог.

Завтра 12 ноября, и в голове моей проходит вереница картин и воспоминаний. На фоне военных переживаний прошлое нашей брачной жизни смотрится с еще большей серьезностью и с еще большим углублением. Могли ли мы прожить лучше, я не знаю, но в основе нашего брака лежали начала прочные и вечные, и все ими освещалось и направлялось. Только при них можно создавать брак, как, с другой стороны, только при них можно воевать… иначе война придушит и смутит своими сложными и тяжкими картинами. Завтра или в ближайшие дни ты получишь, детка, мое письмо, в котором по поводу 12 ноября я отдал дань лирике, теперь меня тянет больше в тяжелую философию, может быть, оттого что тошнота прошла еще не совсем. Писем от тебя нет, и с переменой части едва ли я получу их скоро; да и офицеры мои все жалуются по поводу отсутствия писем: только и получают, когда пошлют кого-либо в Екатеринослав.

На дворе очень холодно, но мы все и люди очень тепло одеты, не по-австрийски, на которых жалко смотреть. Позавчера, как командир части, получил памятку от Государыни Императрицы… маленькая книжечка, с рядом молитв; прекрасная и глубоко трогательная идея. Вчера солдаты получили подарки от Наследника (табак, чай, сахар, дратву и т. п.)… от восторга глаза у них горели как угли. Словом, нравственная сторона дела в настоящей войне продумана основательно, и ведется линия очень последовательно и прекрасно. Подумай, получить какому-либо солдатишке в карпатской глуши сумочку с подарками от своего крошки Наследника! Ведь это прелесть как хорошо! И как это бодрит ребят, в бой не толкать, а держать приходится. Газеты читаем 10 дней спустя и, тем не менее, читаем с жадностью, стараясь понять, что совершилось в последующие девять дней, о которых где-то уже пропечатано. Говорят о мире, а мы дивимся, о чем думают австрийцы с немцами: первые потеряли всякую сопротивляемость и бегут от первых выстрелов, а вторые задергались и тщетно стараются починить заплатками совсем изодранное платье… Прерываю, сидит казначей и ждет письма. Неси пузырей, и я вас всех буду много и горячо целовать.

Обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Барыня, 14 ноября 1914 г.

Дорогой мой Женюрок!

Я вновь в этом уголку Карпат, где когда-то прожил восемь дней с довольными удобствами… Сейчас я с полком второй здесь день, хожу в солдатской шинели, которая мне очень нравится и очень идет для командира полка; сплю на недостаточно удобной кровати, но в головах у меня стоит полковое знамя и хранит мой сон, навевая на него добрые военные мечтания… Постепенно вхожу в дело, разбираюсь в офицерах и стараюсь вносить те улучшения и ту правду в порученное мне дело, какие я в силах. Сегодня, пользуясь дневкой, собирал к себе офицеров и поговорил с ними о разных материях и высокого и низкого содержания – начиная с ружейной смазки и солдатских штанов и кончая вопросом офицерской тактичности.

Осипа до сих пор нет, и я начинаю думать, что он где-нибудь петляет, отыскивая меня. Вчера месяц, как он выехал из Дрогобыча. Я мог бы без него обойтись, у меня народу к моим услугам много, но он везет мне от тебя весточку, а ее-то мне уже недостает, недостает твоего почерка, твоего рассказа о всем том, что у вас теперь совершается.

Я проболел животом день (скорее тошнотою), принял меры (ничего не ел и не пил, кроме чая с лимоном) и теперь оправился, но зато заболели мой штаб-адъютант, начальники разведчиков и пулеметной команды – все трое животами с приподнятой температурой, и я работаю с молодым подпоручиком… всё у нас идет сложнее, с запинками, и над ним шутят все: «Он нашего командира измучает, целый день с докладами… хочет приучить к себе начальство…» и далее в таком тоне. Ребята все хорошие и рабочие, народ веселый, исключая пулеметчика, который очень меланхоличен. Говорят, его жена – первая красавица в Екатеринославе, а детей нет, и он очень и тоскует, и беспокоится… Все возможно, но меланхолия его бросается в глаза, а человек очень хороший.

Повторю тебе свой адрес: «В действующую армию. 133-й пех[отный] Симферопольский полк. Мне (чин, имя, отч[ество] и фамилия)». Как ты, золотая моя рыбка, себя чувствуешь, как наши малыши… как мне все это хочется знать. Получишь от тебя твое милое письмо – и всё как-то обновляется, как будто вновь идешь в дело, веселее и бодрее… Крепко и много раз всех вас целую, обнимаю и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй папу с мамой.

Генерал Павлов по поводу моего ухода написал очень коротко и просто, но очень для меня лестно. Основная мысль, что в течение трех месяцев войны он наблюдал меня, и всегда и при всех условиях [я] проявлял высокие боевые качества. На днях от имени полка послал телеграмму, прося передать благодарность Его Им[ператорскому] Высоч[еству], Наслед[нику] Цесарев[ичу].

Шельбицко, 20 ноября 1914 г. (Возле старого Самбора)

Дорогой мой Женюрок,

вчера был у меня большой праздник – получил от тебя сразу три письма. Погода вечером была дивная: тихий догорающий день в горах с удивительной игрой света на вершинах и склонах, с журчанием ручья вдали… Я только что отправил запрос командиру нестр[оевой] роты и требование явиться ко мне начальнику хоз[яйственной] части и начал бродить взад-вперед по тропинке, то любуясь природой, то продумывая, как я буду пробирать провинившихся… Второе скоро улеглось, но природа долго еще тянула к себе и путем сложной связи дотянула до вас… и я тихо-тихо шагал по тропинке и думал о вас до мелочей, до самых крошечных подробностей… Пришел нач[альник] хоз[яйственной] части и вывернулся довольно благополучно, а главное, еще до его прихода привезли людям хлеб, а лошадям – овес. Потом появился тюк писем – моя идея, которая начинает хорошо налаживаться – и я пошел наблюдать, как их будут сортировать для отправки по ротам. Пришла целая уйма, в среднем около 150 на роту или команду, т. е. почти 3 т[ысячи]. Уже разбор приходил к концу, как вдруг мне офицер дал одно, скоро последовало второе и третье. Первое было от папы от 6 августа, т. е. меня оно отыскало на четвертый месяц; в нем папа между прочим поздравлял меня с боевым крещением по поводу дела у Городка 4 августа. С тех пор пережито так много, и строки папы звучали чем-то очень далеким, значительно позабытым. Твои письма за № 60 и 61 от 3 и 5 ноября – это ведь совсем недавно. Первое ты писала, когда я с полком вел первый серьезный бой, борясь против значительного и горячо напиравшего противника; тогда я и потерял много.

Ты, по-видимому, пикирована, что не находишь меня в числе награжденных, но меня и награждать-то очень трудно: из орденов мне остается Владимир 3 ст., и я к нему (с мечами) был представлен еще в начале августа; и почему об этом нет еще, я не знаю; затем я был представлен и в генералы, и уже к Станиславской ленте, и к Георгиевскому оружию, но пройдет ли это? Дать мне генерала – это сделать прыжок человек на 200 и всё по головам Ген. штаба, а это не позволяется; да и не было случаев, чтобы в генералы производили начальников штаба. Такова моя линия, и из нее не выскочишь. Ну, да это все дело пустое, и мне, напр[имер], приходилось с ген[ералом] Павловым говорить об этом официально. Застопорилось дело с моей одной наградой по формальным данным, и когда представление вернуто было обратно, я разозлился и сказал начальнику див[изии], что мне никаких наград не нужно, я служу не из-за наград… Нач[альник] дивизии меня успокоил и сказал, что задет он и что поправлять дело он должен… Все это пустяки, и что ни делается, делается к лучшему; получишь генерала и полком не покомандуешь, как следует, а это нужно и интересно. Скоро приму хоз[яйственную] часть, а с этим и весь полк. С офицерами познакомился достаточно, прочитал им некоторые места из твоих писем, и они, видимо, были очень довольны.

Собираюсь идти Богу молиться. Теперь буду от тебя получать письма систематично. Если бы ты прислала мне солдатскую шинель, это было бы хорошо; на мне очень короткая, а более длинных нет. Будет широкая, переделаем. Пиши о детках, что они, как идут вперед? Как девка? Длинна ли коса? Крепко вас всех обнимаю, целую и благословляю.

Ваш муж и отец Андрей.

Стрельбиче, 22 ноября 1914 г. (Возле старого Самбора)

Дорогой мой Женюрок!

Сразу от тебя прорвались письма от всяких месяцев: вчера – 1, позавчера – 4, раньше – 3 с папиным… Я как сыр в масле катаюсь, переживаю, смеюсь и делюсь впечатлениями… Осипа, конечно, посылай сюда, направляй его на Самбор, а там он уже меня найдет. Неудобно, что он во время войны проводит время в долгом отпуску. Если я буду утвержден командиром полка, то твоя телеграмма в Екатеринославль на имя старшей дамы Машуковой (жены подполковника; адрес: Екатеринославль, Соборная площадь) будет очень кстати, а если еще не буду утвержден, то надо подождать.

Сейчас у нас было затишье, и вообще кругом как-то неясно… что, как, отчего. У нас только есть примета: если в газетах молчат или неясность, то где-то у нас небольшой кризис… серьезного теперь, конечно, уже ничего не может быть, но все-таки дело затягивается… Пишу это письмо наскорях… в санях ждет тот, с кем посылаю; мы все норовим с оказией. Пиши про деток: как Генюша учится, хорошо ли читает, как Кирилка, какая коса у дочки и т. п. Меня уже и здесь представляют к награде за 3 ноября, когда полк выдержал главный натиск, да только награждать-то меня нечем.

Крепко обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Явора, 26 ноября 1914 г.

Дорогой мой Женюрок!

Пользуюсь случаем, чтобы переслать тебе весточку… Вчера я был страшно обрадован. От Наследника Цесаревича пришли подарки, которые были переданы чрез ген[ерала] Брусилова; так как одну из этих партий он направил раньше других в мой полк, мне дали понять, чтобы

я поблагодарил его. В другом случае я не стал бы ломать из себя выскочку, но тут было почти приказание из корпуса и из дивизии… Тогда я протелеграфировал:

«Генералу Брусилову. Симферопольский полк, обласканный сердечной и любвеобильной памятью Наследника Цесаревича и сугубым к полку вниманием Вашего Высок[опревосходительст]ва, просит повергнуть пред Его Имп[ераторским] Высочеством чувства безграничной признательности и выразить от лица полка его крепкий обет и впредь бороться до последней капли крови во славу Царя и Родины.

Полковник Снесарев».

Вчера я получил из Штаба корпуса телеграмму; что Иванов телеграфировал Брусилову:

«По докладе Его Величеству телеграммы Вашей 4223 Всемилостивейше повелено благодарить полковника Снесарева и вверенный ему Симферопольский полк за выраженные Государю Наследнику Цесаревичу чувства».

У нас у всех большое торжество; отдам все это в Приказе с соответствующими настроению прибавками.

Сейчас был подполк[овник] Машуков и, узнав, что я тебе пишу, просил разрешение переслать тебе привет как старший офицер полка. У меня почта налажена хорошо, и все твои письма начинают меня нагонять: вчера, напр[имер], получил твое и папино письма от середины октября. Значит, только теперь я вижу, что папа написал мне не менее двух писем. Перечитываем с Сидоренко их самым внимательным образом, делимся впечатлениями и смеемся над Ейкой. Она нас за несколько тысяч верст в глуши Карпатской смешит не меньше, чем вас в петербургской гостиной… такова Ейкина магическая сила. Опиши ее косу. Время от времени поочередно простуживаемся, я, напр[имер], немного прокашлял и прочхал, сегодня уже почти выправился. Приходится маршировать при зимней обстановке на сильном ветру, иногда и прохватывает.

Легкомысленного сегодня отправил в лазарет, что-то делается неладное с его ногой. Осипа, если еще не отправила, направляй на Самбор; оттуда он пусть ищет 34-ю пех[отную] дивизию и 133-й Сим[феропольский] п[олк]… в Самборе пока есть одна моя рота. Сейчас кругом снег и сегодня тихо… как и на душе. Обнимаю, крепко целую и благословляю вас.

Ваш отец и муж Андрей.

Как глуп тот офиц[ер] Ген[ерального] шт[аба], который для упорядочения корреспонденции советует писать реже, не осел ли? Ты, мое солнышко, не обращай на дураков внимания и пиши, и пиши своему муженьку, который целует каждую строчку твоего милого письма… Целую. Андрей.

Явора, 28 ноября 1914 г.

Дорогой и золотой мой Женюрок!

Сейчас получил от генерала Павлова и моих сослуживцев поздравление по поводу награждения меня Георгиевским оружием… папа объяснит тебе, что это значит. Говорят, что по теперешним временам его труднее получить, чем Георгия… Ну, да это пустяки. Ты можешь себе представить, как я сегодня счастлив. Хотя я был уверен, как и все, которые меня знают, что Оружие не должно было меня миновать, но о чем страстно думаешь, об том больше нервничаешь. И вот сегодня меня поздравили. Погода сейчас божественная: тихо, ясно и солнечно, тепло, как летом. Я вышел на двор и ходил взад-вперед; на горах и склонах копошили[сь] роты моего полка, занимающиеся упражнениями, а я ходил тихо и думал о тебе, моя золотая детка. Как ты будешь довольна! Сколько раз ты задавала себе вопрос, почему не награждают твоего мужа, который и был ранен, под которым были ранены две лошади, а на голове прострелена

шапка (пишу теперь, потому что мне сказали, что ты все знаешь), и вот ты теперь можешь успокоиться… твой муж не забыт: за Богом молитва, за Царем служба не пропадет… Ты не можешь себе представить, как довольны мои офицеры…

Они уже слышали про меня и тоже, как ты, были пикированы… Кончаю, сейчас уезжает посыльный… Ближе прижмись, моя цыпка, к своему супругу, о котором можешь теперь и официально заявить, что он человек мужественный… Давай наших малых. Я вас всех несчетно буду целовать, обнимать и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй папу с мамой и порадуйся с ними за меня.

Явора, 29 ноября 1914 г.

Дорогая моя Женюрка!

Вчера появился Осип, и я говорил с ним целый вечер, а на ваши карточки смотрю через каждые две минуты… показал их всем офицерам…Мне показалось, что ты высматриваешь не совсем ладно: бледная, усталая, почти больная. Я пробовал выпытать у Осипа, ничего не получил; уговаривал Сидоренко добиться у него, не болела ли ты, как сейчас себя чувствуешь… выходит, как будто все хорошо. Как я мог понять, у тебя два пункта, которые тебя волнуют: 1) что твой супруг ничего не получает и 2) что я принял полк и вступил в новую среду и обстановку. Но первое, я уже тебе писал: я получил Владим[ира] 3 ст[епени] с мечами и Георг[иевское] Оружие и, кроме того, представлен в генералы и к двум генеральским наградам (Станислав 1 и Анна 1)… Начальник дивизии, узнав о моих наградах, смеясь, сказал, что меня придется представлять скоро в фельдмаршалы. Что касается до полка, что же, моя золотая, мне все мыкаться в штабной роли, на помочах; пора и самостоятельно поработать, что я теперь и делаю. А люди? Они везде одинаковы, и люди «новые» скоро становятся «старыми». Встречен я здесь прекрасно; еще недавно из штаба корпуса был в дивизию нагоняй за то, что они медлят с представлением об утверждении меня в должности командира; последние в свою очередь извиняются предо мною, так как думали, что это от них не требуется…

Всё, моя бледная рыбка, сводится к тебе (между прочим, до сих пор я еще *ни одной* твоей телеграммы не получил… лучше ты их и не посылай), тебе надо поправляться, а для сего: 1) гнать всех гостей, как только стукнет 11 час[ов], и ложиться спать; 2) утром Ейку к себе не допускать раньше 8 часов, продолжая сон; 3) меньше ходить по разным закупкам, справкам, пособиям и т. п.; 4) сидеть в кресле, читать книжку, а заболят глазки (которые сейчас целую) – мечтать о муже, продолжая сидеть в кресле; 5) есть чаще и сытнее, выбирая для сего здоровую и питательную пищу и 6) часа два гулять на воздухе тихой, еле передвигающейся походкой. Тебе это письмо передаст Горнштейн и другое, написанное мною раньше. Твои посылки взбудоражили нас всех; там есть трогательные письма от девочек «солдатикам»… Я поручил раздачу офицеру, и он все ко мне с вопросами: «как раздать, по какой идее, надо, чтобы присутствовал денщик, иначе что-либо будет не так, как хотела Ваша супруга…» В роты так и написано, что пришли подарки от командирши… Но все это, моя цыпка, не должно давать тебе никакого права с получением сего вновь начинать свою беготню по Петрограду, утомляя себя и делая себя еще более бледною…

Осипа через несколько времени думаю вновь послать к вам; он здесь мне не особенно нужен, а вам он более пригодится. В редакции я напишу, но не сейчас: надо немножко подумать, чтобы это вышло ловчее, а у меня сейчас времени совсем нет. Выпало свободное время, и я хочу пройти с прибывшими в полк несколько упражнений стрельбы. Моя теперешняя работа диаметрально противоположна прежней; я чувствую каждый день, что мне Государем вручены четыре т[ысячи] душ, драгоценных и великих, *душ русских*, и что я должен их уберечь в слож-

ной обстановке войны… более этого, мне дана власть жертвовать этими душами, когда надо выполнить ту или иную боевую задачу, и нет тяжелее для меня греха, если я при этом что-либо упущу, забуду или отнесусь к делу недостаточно вдумчиво…

Вот мысли, которые постоянно живут во мне, и которых не было раньше. И когда я тихо брожу взад-вперед около дома, а на полугорке копаются *мои* люди или слышатся смех и болтовня, или несется их песня (отдал приказание петь песни, до меня было запрещено), я иначе не думаю об них, как в том духе, что это мои дети, мне Богом и Царем врученные, и что я должен быть готов каждую минуту дать за них ответ… Видишь, моя золотая женка, как идейна моя теперешняя работа, и понятно, что мне приходится много говорить, наставлять, журить или хвалить, как это делается в каждой семье, и без чего семьи настоящей нет.

Как розданы твои посылки, не могу тебе еще сказать, так как это будет делаться вечером, а Горнштейн выезжает сейчас. Имей в виду, что он кончил политехникум в Нью-Йорке и говорит по-английски и немецки. Можешь его посадить за стол и угостить чаем или обедом… Он человек интересный, прибыл из Америки для отбывания воин[ской] повинности и ведет себя молодцом, не походя на своих сородичей… Так смотри же, моя драгоценная женка, побереги себя и поправляйся, а то я здесь буду нервничать и беспокоиться… Снимайся еще с детьми и шли карточки… это так интересно, я любуюсь вами по целым часам. Крепко вас обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

[Без указания места] 14 декабря 1914 г.

Дорогая моя Женюрка!

Через несколько минут иду молиться Богу. Вчера ходил по разным порядкам: зашел в баню, где мылись люди (удалось устроить во второй раз, а до меня не мылись с начала компании), пожурил дежурного офицера, повернул одного купающегося кругом и шлепнул по заднице, чем вызвал смех, потом попробовал пищу и т. д. Сегодня будет почтарь, и, наверное, получу ворох твоих писем. Погода у нас дрянная, слякоть ужасная, выходит похоже на гнилую зиму… Жалко с той стороны, что плохо одетые австрийцы могут лучше держаться.

Горнштейна жду с минуты на минуту и никак не дождусь. Все четыре карточки предо мною, я смотрю на них ежесекундно – и как будто я с вами. Начинает мне казаться, что и ты как будто ничего, не так уж бледна и худа, особенно, если я смотрю вечером при огне.

Позавчера взял ванну и выкупался на славу, Осип вырезал у меня все, что только можно, а другой – Пономаренко, ему помогал; болтали они мне без умолку, рассказали все свои нужды и впечатления. Если тебе будет можно, пришли мне к твоему мундиру *широкий* ременный пояс, а то мне находят здесь все узкие…

Сейчас выходил, чтобы присутствовать на спевке; у меня это дело все не налаживается; конечно, на войне оно и трудно, но я все пытаюсь его улучшить.

Сколько ты тратишь ежемесячно, я пробовал говорить с Осипом, но он мне не дал определенного ответа. Как ты делишь расходы с мамой и делишь ли?

Начинают в полку подходить ко мне с разными попытками, особенно, когда начинается боевое затишье, и мне приходится делать разные лики. Ребятам не хватает *штанов*, остальное все вволю; если бы в Петрограде кто об этом подумал и прислал нам вместо теплого или нижнего белья… штаны сильно носятся, но в голову никому не приходят; нужно защитной и прочной материи.

Фотографируй детей и шли карточку. Получу сегодня твои письма и опять буду писать. Давай себя и малых, моя славная, милая, бледная женочка. Я вас обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

[Без начала] 15 декабря 1914 г.

…относительно телеграмм (без Андрея и с Андреем) я рад бы сделать – что я не сделаю для моей драгоценной женки – но забуду все равно… нет сил запомнить при нашей обстановке такие вещи. Телеграммы я посылаю раза два в неделю и не менее одного раза, но, вероятно, доходят они не все и скорость их движения зависит не от моего поручителя… сегодня, напр[имер], я послал с нашим поставщиком и, конечно, он исполнит поручение внимательно, но в какую кипу телеграмм попадет моя, в этом весь секрет дела, в этом условие скорости достижения ею тебя. Я не соберусь написать Ане, напиши ты, что я получил ее письмо и страшно был рад.

Прелестно, что ты читаешь Мережковского; особенно, если делаешь это, лежа в качалке и посасывая конфеты. Прочитай что-либо из новой литературы, а то ведь мы с тобой сильно отстали.

Сейчас два часа гулял на дворе: выпал небольшой снег, в воздухе тихо, погода прелесть. Думал над некоторыми мудреными вопросами по управлению полком; надо сделать некоторые шаги против взаимных интриг и некоторой развязности хозяйственной части полка, и я все взвешивал в голове, как бы это сделать умнее, не лопаясь, подобно ракете. Вчера собирал офицеров и беседовал с ними на разные темы и нравственного, и тактического характера, и лишний раз убедился, какой прекрасный состав дал мне Бог, как внимательно они меня слушали и каким искренним и откровенным тоном я мог говорить с ними…

Получила ли ты 600 руб., пересланных тебе в начале декабря? Ты, пожалуй, дивишься, что я так много тебе высылаю, но дело в том, что я много теперь и получаю; если считать 99 твоих квартирных с 10 руб. на прислугу, то всего выйдет более 800 руб., считая тут полевые порц[ионные], дровяные, фуражные и т. д., а так как в месяц я проживаю на себя рублей 25–30, то за месяц и накапливается рублей до 400, которые я тебе с оказией и высылаю…

Берусь за дела. Давай, женка, твои губки и глазки и давай малышей, которые стоят сейчас предо мною на столе. Я вас буду целовать, обнимать и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Твое благословение всегда на службе кладется на аналой, и мы все к нему прикладываемся. Ан[дрей].

[Без указания места] 16 декабря 1914 г.

Дорогая моя и драгоценная женушка,

целую тебя миллион раз и твою маленькую тезку, поздравляю со днем ангела и желаю вам всяческих благ, веселья, здоровья и удач. Вероятно, я поздравляю несколько ранее, но завтра я посылаю капельмейстера в Екатеринослав и даю ему это письмо и телеграмму.

У меня сапожный кризис, и хотя вчера интендант прислал мне уведомление о высылке 900 пар, но я все-таки поднял бурю и экстренно высылаю капельдудку (как единственно свободного человека), чтобы купить или заказать 1000 пар сапог. Образую запас на четверть состава всех людей, и нам будут не страшны никакие превратности.

Сегодня гулял по двору, ко мне подошел Осип, и мы стали вновь переживать все эпизоды и мелочи вашей жизни. Конечно, Ейка в его воспоминаниях появлялась гораздо чаще, чем ей надлежит; обсуждался и Генюша, и только мой милый Кириленок как-то стоял в стороне… Только и упомянул, что, пришедши со своих танцклассов, он берет свою лопаточку, идет на двор – и только его и видели. Выяснили мы с Осипом и то, что тебя более всего волнует; это

именно мысль, что я не стану малодушно избегать опасностей и рискую зарваться вперед, но, моя голубка, для меня вопрос кристаллически ясен: я ни шагу не сделаю для рисовки или во имя одного только риска, но когда долг позовет меня на опасность, я ее избегать не могу и не буду. С таким полком, как теперь, я могу быть в значительной мере спокоен, – он должен меня выручать и не должен заставить идти вперед, в качестве отдельного бойца… все остальное в Божьей воле… Что касается той мысли, что в полку чужие люди и меня предадут, то теперь они мне хорошо знакомы и близки, и не выдадут.

Как-то пройдут у вас дни двойных именин? Что получит Ейка? Тут собираются праздновать твои именины. Ну, подходите обе, именинницы, я вас буду целовать особенно, крепче, больше.

Поздравляю папу и маму с именинницей.

Обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Ст. Самбор, 20 декабря 1914 г.

Дорогая Женюрочка!

Твое описание боя (в письме от 9 декабря) заставило меня много смеяться; я второпях его даже и не понял, и только твое «крикливое посредничество» объяснило мне, в чем дело. И настоящий бой, моя золотая, мало чем отличается от вашего, с тою разницей, что ваш воин рискует синяком, а здешний – жизнью… шум же, горячность, лопающиеся шрапнели, это и там, и там одинаково. Ты все спрашиваешь про Осипа, мне досадно, что я не протелеграфировал о его отбытии, хотя сейчас ты, конечно, об нем знаешь от Горнштейна. Мы с адъютантом ждем его уже с неделю и всё руками разводим, где он делся. Одинаково приходим к предположению, что ты обложила его посылками и он с ними стрянет на всех закоулках.

Тебя, по-видимому, более интересует Легкомысленный, чем Машка, переименованная теперь в Галю, но последняя мне милее и первого, и красавца (действительно, картина) Орла… Я на ней езжу мало, но ласкаю ее много и забочусь о ней больше, чем о других… Она меня вырвала из когтей смерти, а сама при этом пострадала страшным ранением (большая рана в грудь; лечилась более месяца), и мне это всегда приходит в голову, когда я вижу ее или еду на ней. Что она Галя, узнал сегодня… я начал в дороге трепать [ее] по шее, повторяя: «Машка, моя Машка», и вдруг сзади слышу бас Сидоренко: «Какая она Машка, это не хорошо, она у нас Галя». Это мне понравилось, и с тех пор она у нас Галя…

В прошлом письме я поздравил тебя и Ейку со днем Ангела, а сегодня с адъютантом (у которого жена тоже Евгения) посылаем посыльного, чтобы он, когда нужно, послал телеграмму… едва ли мы потрафим. Получил письмо от Зайцева (из Холма), очень приподнятое, в восторге от наших мальчиков и особенно Ейки. Скоро возвращается в Петроград… зови к себе их чаще, они были ко мне очень хороши и внимательны, а главное: они очень любят детей. Получил также письмо от Яши [Ратмирова], очень веселое (сын его отличается и получает 5-ю награду). Как-нибудь залпом отвечу и Ане, и Кае. Эти дни я тебе наладился писать чуть ли не через день. Готовимся к праздникам и полны хлопот об елке, солдат[ском] спектакле и т. п. Пожалуй, письмо получишь под Новый год, тогда с ним и поздравляю. Прижмись, моя золотая голубка, с детками ближе, я вас обниму, расцелую и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Яб[лонка] Ниж[няя], 26 декабря 1914 г.

Дорогая моя Женюрка!

Почтарь едет чрез 20 мин[ут], и я спешу черкнуть тебе несколько слов. Служба утром 25-го прошла прекрасно; жителей набралось полно, позажигали разные свечи, певчие пели чудно, старик церковник упрямо звонил в колокольчик, несмотря на протесты батюшки… словом, была какая-то прелесть униатского, и настроение было торжественно-приподнятое. Сегодня батюшка служил по просьбе поселян, стосковавшихся по службе; солдат, занятых работами, было мало. Ты видишь из этого, что если наши духовные вожди не будут слишком формальны, возврат униатов в лоно Православной Церкви совершится скоро и сам собою.

Получил твое письмо от 15 дек[абря] с описанием вашей репетиции и случая с помятым туркой… прочитал вслух, и картинка всем очень понравилась… пиши так, это так оживляет предо мною всех вас, и я моменты живу снова с вами… Получил вместе с твоим письмо от Зайцевой (кажется, Стефания Фирсовна); поблагодари ее за память (открытка); она так хорошо говорит о наших пузырях; я ей не могу ответить и по времени, и по незнанию точно ее имени. Кто тебе написал из офицеров, не знаю, но Антипин (ст[арший] врач) написал наверное. По твоим письмам сужу, что Горнштейн до сих пор еще в Петроград не прибыл… Это меня очень озадачивает, не заболел ли. Поторопи его, если он прибудет. Елка для детей прошла хорошо, как мне говорили офицеры; собралось много народу, пели коляды, восторг детей был полный…

Почтарь торопит. Целую вас всех крепко. Поздравляю с Новым годом, так как, вероятно, получишь это письмо как раз к нему. Куда это, моя голубка, ты еще стала ходить? Какая-то организация Государыни Императрицы? Крепко обнимаю, целую и благословляю вас.

Ваш отец и муж Андрей.

P. S. Умудрился написать папе с мамой.

[Здесь и далее без указания места]

12 января 1915 г. [Открытка]

Дорогая моя Женюрка!

Сегодня получил два твоих письма и вижу, что ты кутишь… очень рад. На карточке узнал тебя по боа, а потом рассмотрел сквозь лупу… кажется, ты молодцом… Целуй всех, с кем ты там снялась. Значит Саша Попов остался дома; как это вышло? Думаю, что он очень томится. В ближайший раз жду от тебя большое письмо, которое ты мне будешь писать под Н[овый] год. У нас погода благодатная, все покрыто снегом, и я между делом люблю погулять в своей солдат[ской] шинели… Если будешь для нас собирать [посылку], то пропагандируй нижнее белье. Я и по письму Каи вижу, что об этом чаще всего забывают… белья этого можно нашить много, а нам это очень нужно. Приехал ли папа? Я так рад за него. Целую, обнимаю и благословляю тебя и деток.

Ваш отец и муж Андрей.

18 января 1915 г.

Дорогая моя женушка,

если я не заставлю себя насильно сесть за письмо тебе, то я это не скоро сделаю; бой идет непрерывно уже неделю, и я все время занят решением вопросов, с ним связанных. 16-го, напр[имер], когда я получил два твоих славных и ласковых письма (от 31 дек[абря] и 2 янв[аря]), положение моего полка было кислое: на него напирали четверные силы противника, и я должен был решить вопрос, отгрызаться ли от него зубами или отбиваться кулаками. Пустив в ход пулеметы, артиллерию и штыки, я успешно продержался до ночи, а ночью стал трепать моего соперника непрерывными атаками, с утра их возобновил и в конце концов убедил его, что не он сильнее меня вчетверо; а я сильнее его… в результате – его отступление с позиции.

Но я заболтался и увлекся в сторону: так вот, в такие-то кислые минуты я получил твои божественные письма… я наскоро пробежал их и пошел распоряжаться; часа через 2–3 уловил момент и еще пробежал, и опять распоряжаться. И ты, моя золотая женка, вдохновила меня в эти минуты, подняла мои нервы и сделала меня непреодолимым. Кто-то мне сказал, что как бы не пришлось отойти, но я ответил со смехом, что буду держаться полтора месяца и не отойду и на полвершка… я продолжал думать о твоих письмах. Когда же прошла ночь успешно и с утра я стал уже дерзким, я выбрал длинную минуту и прочитал твои письма еще раз, строчка от строчки. Спасибо, моя славная девочка, и за ласку, и за добрые мысли. Нам, русским, правда, они так свойственны, уже такая мы Богом обласканная порода. Как это ясно на войне, как ярки здесь русские черты характера!

Когда я еще был у Павлова и отбивался против обхода (за что представлен в генералы), я долго потом ждал сотни с боевого участка; а особенно запоздала одна, и это меня волновало, так как нам предстоял страшно трудный путь, горами, лесом, в ужасно темную ночь… Она появилась поздно, 8 человек несли большие носилки с раненым, что их и задержало… Я первую минуту вообразил, что принесли нашего офицера, и каково было мое удивление: это несли грузного раненого австрийца, с которым они часа три пред этим вели жаркий бой. И они несли его, чередуясь чрез 100–200 шагов, и мучались, и спотыкались, и утирали свои потные лбы… и все это после больших трудов боевого дня. Кому даны такие подвиги кроме нас, русских?

Приводит солдат ко мне пленного мадьяра (в одном кармане торчит кусок хлеба, из другого высматривает шмоток сала – кто-то сунул на дороге) и весь сияет… «Почему одного? Чему рад?» «Так что, Ваше Выс[окоблагороди]е, мы их на снегу нашли пять человек, этот еще глазами трошки лупил, а тех четверых как ни ворочали, ничего не вышло… замерзли. А этого терли-терли, притащили к себе и отходили… И я теперь его будто своим считаю», – заканчивает он свои объяснения, весело и любовно посматривая на своего «врага». Вчера приводят ко мне 18 пленных мадьяров (так как они прошли уже через солдатские руки, то из карманов, как сказал выше и как всегда бывает, почти у каждого высматривало то или другое солдатское достояние); наши денщики заволновались и забегали: чем будут угощать, пока делается расспрос… порезали сало в куски и зажарили, отдали свои хлеб, табак, сахар, один стащил мой запас конфет… Мадьяры ушли не более как через полчаса, а проводы были, как будто год знакомы: пожиманье рук, хлопанье по плечу, фразы «кланяйтесь там, земляки, нашим» и т. п.

И таких примеров сколько хочешь, на каждом шагу, и как все это трогательно просто и красиво. И это их не только поражает, а прямо потрясает до глубины сердец; даже суровые, измученные и упрямые лица венгров не в силах выдержать, и на них, после нашей русской обработки, налетает теплая благодарная улыбка. Пока прекращаю писанье; поговорю по телефонам, как обстоит наша «обстановка»…

19 января 1915 г.

«Обстановка» задержала на целые сутки. Я забыл тебе сказать, что присланные тобою 10 пар сапог (с Горнштейном) я раздавал лично; думал отдать солдатам и высматривал только,

кому; но случайно один офицер стал жаловаться на «босоногость»; я предложил ему выбрать и дал; за ним через полчаса явились три офицера, тоже взяли… в конце концов, кроме двух пар, все пошли офицерам и доставили им несказанное удовольствие; сапожный вопрос здесь одинаково труден как для солдат, так и для офицеров, но первым помогаем мы, и они у меня, напр[имер], теперь прекрасно обуты, а офицеру как помочь: он не просит, а на подошву ему посмотреть не догадаешься. Во всяком случае, обутые офицеры были страшно тебе благодарны и собирались посылать признательную телеграмму с подписью «благодарные босяки». Может быть, послали (все это от меня держится в секрете), а вернее, скоро стало некогда.

Позавчера поздравил своего ефрейтора (фамилия Ктитор) унтер-офицером, обещал ему Георгия 2-й степ[ени] (4-й имеет, а 3-м пошло предст[авление]) и в конце короткого слова приказал целовать «своего командира полка». Солдатишки кругом застыли от волнения, у Ктитора (огромный страшной силы малый) выступили на глазах слезы. Незадолго до этой сцены Ктитор вынес или частью вывел из-под огня раненого – одного из моих штаб-офицеров, в снегу по пояс и на длинную крутую гору. Чтобы понять силу его дела и вообще трогательность обстановки, должен добавить, что шт[аб]-офицер приказывал себя бросить (мало было шансов, что его вытащат) и спасаться самим, но Ктитор не послушался и выпер своего офицера на гору. Рана хотя и оказалась очень серьезная, но шансы на жизнь теперь полные.

Писал ли я тебе, что 30 декабря последовало мое утверждение; из твоего письма от 31 дек[абря] я вижу, что ты этого еще не знала: что же смотрят мои товарищи по Глав[ному] упр[авлению] Ген[ерального] штаба. Жду, что будешь рассказывать о впечатлениях папы; как это мило с его стороны, что с «полей битвы» он привез мальчикам подобранное немецкое «оружие»… я думаю, рассказано моим воинам в этом духе. У меня сейчас в одной роте два милых добровольца (один говорит – ему 16 лет, а другой 17… тот и другой несомненно убавляют); младший с Георгием, старший получит Георг[иевскую] медаль. Отдал их моей «красной девице»… у меня есть такой рот[ный] командир (слабость моя и всех) – идеалист, мечтатель, службист и несказанного мужества. Теперь он и возится со своими двумя малышами: смотреть и крайне забавно, и умилительно… ребята молодцы и очень храбрые.

Надо кончать, а то я и это не пошлю. Стоят холодные дни, кругом белые с лесами горы и непрерывно гудит орудийная музыка. Давай себя и малышей поближе, я вас много, крепко и сладко расцелую, обниму и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй папу и маму; я ей из-за этих боев никак не могу собраться написать… целуй и обнимай их. Андрей.

Вчера, в воскресенье, заказал батюшке обедню, но с утра началась всяческая трескотня – орудийная, ружейная, пулеметная… Офицеры меня спрашивают, пойду ли я молиться (около трех четвертей верст в сторону). Я ответил: «Буду я из-за гов…ков лишать себя удовольствия помолиться Богу». Пошел, и ни одного тревожного донесения.

21 января 1915 г. [Открытка]

Дорогая Женюра!

Так некогда, что только могу черкнуть открытку. Сейчас получил четыре твоих письма… В какую новую квартиру вы въехали? Что рассказывает папа? Крепко вас обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

22 января 1915 г. [Открытка]

Дорогая Женюша!

Меня тревожит оговорка в твоем письме, где ты говоришь о входе в новую квартиру. Если правда, то какой адрес? О таких случаях повторяй в письмах несколько раз подряд, на случай пропажи или запоздания какого-либо из них. В последнем письме (от 8 янв[аря]) ты говоришь, что давно нет от меня писем. Имей в виду, что не менее одного раза в неделю я телеграфирую, не менее двух раз пишу, притом каждый из этих раз набрасываю короткую открытку, вроде этой. Обнимаю вас, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

22 января 1915 г.

Дорогая моя и ненаглядная Женюрочка,

вырываю свободную секунду, чтобы использовать отходящую почту. Ты, кажется (судя по одной оговорке), переменила квартиру, но адреса я не знаю; пока не получу нового, буду писать по старому… посылай за справками к швейцару старой квартиры или заяви на почте. В письме от 8 янв[аря] ты говоришь, что давно не получала от меня писем; правда, последние 10–11 дней я страшно занят и могу разве только помечтать о своей маленькой женушке в промежутке между двумя распоряжениями, но до этого я был сравнительно свободен и писал не менее двух раз в неделю. Вообще же имей в виду, что раз в неделю я телеграфирую и не менее двух раз в неделю стараюсь писать, притом каждый раз кроме закрытого письма и одну открытку.

Чтобы не забыть, расскажу тебе о вчерашнем случае: дозор (человек 5) моего полка пред рассветом подкрадывается к неприятельскому окопу, чтобы выяснить его очертание и число народа в нем. Подошли люди очень близко, и вдруг один из них (особенно, вероятно, с тонким ухом) услышал из окопа храп; поползли дальше, храп стали слышать и другие и по всему окопу… ближе, и что же видят: в окопе в разных позах спят глубоким сном 13 мадьяров, а между ними лежат 5 с пробитыми головами… это те, которые неосторожно высунули головы и были убиты нашими. Стали будить защитников и еле-еле разбудили; оказалось, пролежав в снегу ночь, они к утру закоченели и заснули сном замерзающих. Приди наши полчасом позднее, они нашли бы там 18 трупов. Поднятые еле держались на ногах и еле дошли до наших хат, где их по обыкновению отогрели и накормили.

У нас сейчас стоят холодные дни, форменная и глубокая зима; я своих людей закутал тепло и обул в валенки; приказал мяса закладывать, сколько влезет (страшно ругаюсь, если, пробуя пищу, нахожу недостатки), ни в коем случае менее полутора фунтов на человека, даю много сала (хорошо греет) и т. п., словом, при помощи моих славных офицеров стойко борюсь с той обстановкой, которая нас окружает, и, вероятно, благодаря этому у меня нет ни отмороженных, ни изнуренных. Но с другой стороны злосчастный наш противник страдает несказанно; несколько дней тому назад одна венгерская рота, выдвинутая против нас вперед, провела в окопах почти всю ночь; пред утром она была замечена и нами атакована; много было убито или переколото, свыше 50 чел[овек] взято в плен, остальные бежали; пленный фельдфебель рассказал, что в этой роте было 160 человек и из них до момента нашей атаки убыло в госпиталь 44 с отмороженными ногами. Когда мне приводят пленных (за последние 2 дня моим полком захвачено 2 пулемета и взяты в плен 2 офиц[ера] и свыше 600 ниж[них] чинов, не считая пока раненых… мы все страшно горды и довольны, так как до сих пор полк ни разу не взял такой массы пленных и пулеметы также берет в первый раз. Я их уже зачислил в пулемет[ную] команду, и пулеметчики с утра ходят с задранными кверху носами), то я не могу

смотреть на них без горечи: холодные, голодные, мокрые, от изнурения и лишений прямо одичавшие; дадут им хлеба, они набрасываются на него как собаки (прости грубое выражение).

Вчера получил от Mad-me Пацапай письмо; она пишет, что слышала о смерти своего мужа и просит меня, как найти и перевезти его тело; она жалуется, что никто из дивизии не написал ей ни слова. Я ответил телеграммой, что давно вне дивизии, указал телеграфировать Петровскому и выразил свое сочувствие. Напиши ей (ее адрес Киев, Крестовский переулок, д. 6, кв. 6) и утешь ее; может быть в браке она и не нашла много радости, но ведет сейчас она себя, как хорошая и правильная жена военного.

Относительно Платова ты меня поразила громом… в такие минуты – и увлекаться личным, и к тому же грязным делом; одно объяснение, что он рехнулся… у него есть кто-то в семье.

Напиши мне номера Высоч[айших] приказов и числа награждения меня Влад[имиром] 3, получения Георг[иевского] оружия и утверждения в должности командира полка. Сегодня еще напишу открытку: она вернее и скорее дойдет. Давай, моя драгоценная женка, твои губки… когда мой полк дерется и я веду руководство, я мечтаю о тебе, моя детка, под звуки артилл[ерийского] и ружейн[ого] огня, и мне чудится тогда, что ты рядом со мною и помогаешь мне в великом труде. Целую, обнимаю и благословляю тебя и малышей.

Ваш отец и муж Андрей.

22 января 1915 г. [открытка]

Дорогая Женюша!

Рад, что мальчики начинают кататься на коньках; по своим воспоминаниям знаю, как это захватывает. Купи и Кирилочке, пусть учится, но только, чтобы не перетрудил больную ножку, которая, по твоим словам, еще устает. О визите Ички к крестной матери говорила и Саша в письме к Осипу. На вопрос, где он, Ея ответила: «Осичка на войне с Андрюшей». Целуй всех, кто прислал мне поцелуи и поклоны… мне отцеловаться будет легче, в привычку: я обыкновенно целую солдат, которые получают кресты и Георг[иевские] медали. Крепко вас, мои милые, обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй папу с мамой.

24 января 1915 г.

Дорогая Женюрочка!

Дня через два думаю выслать к вам Осипа; надо переслать ассигновку, да кроме того, меня беспокоит незнание твоего нового адреса, и я через него хочу справиться. Он теперь приказный и имеет Георгиевскую медаль, почему его кверху смотрящий нос стал смотреть еще выше, делая новоиспеченного героя совсем курносым.

Твое последнее письмо, в котором ты описываешь свое катанье на коньках с сыновьями (младший тебя замучил, а старший воображает себя призером на третьем месте), как Кирилочка начинает читать; а дочь критикует старые шляпы, сильно меня взбудоражило… гуляя по дорожке, я воображал вас живо пред собою, и, наконец, так живо, что, по свойственному мне суеверию, стал бояться… все ли вы здоровы? Я думаю, Генюша должен кататься до одури: я кататься любил страшно и выкидывал невероятные штуки (напр[имер], с ледяных гор задом наперед с прыжком в воздухе и с поворотом корпуса в нормальное положение); первые дни обучения я не ел и не пил, и зазвать домой хозяйка (в Нижне-Чирской станице) меня не могла.

Что Кириленок любит читать, это прелестно, а что Ейка критикует старые шляпы, это непохвально… мы с тобой глубокие демократы, нас могут не любить равные или высшие, но низшие всегда будут любить за доступность и простоту. И Ейке не годится фанаберии набираться. И вперед, золотая женушка, пиши больше про наших малышей; если бы ты могла меня наблюдать после твоего письма: как много я улыбался, бродя по тропинке.

Напиши мне, сколько получаешь ты теперь как командирша полка. Я думаю, около 435 рублей. 100 жалов[анья] +225 столовых +100 квартирных +10 на денщика. С Осипом напишу больше. Пришли с докладом. Давай ко мне малых – наших птенцов – и себя. Я вас много буду обнимать, целовать и благословлю.

Ваш отец и муж Андрей.

25 января 1915 г. [Открытка]

Дорогая Женюша!

Думаю на днях выслать Осипа с разными поручениями. Сегодня жду нашего почтаря и некоторую кипу писем от тебя. Прочту и буду думать о вас, бродя по тропинке взад-вперед. У нас глубокая зима, но сегодня стало много мягче. Скорее сообщай мне твой новый адрес. Если надумаешь что присылать нам, то больше всего мы желаем получить *нижнее белье*, а потом, пожалуй, сапоги. Первое так скоро рвется, и в нем нужда постоянная. Все остальное у нас прекрасно.

Обнимаю, целую и благословляю вас.

Ваш отец и муж Андрей.

31 января 1915 г. [Открытка]

Дорогая Женюра!

Получил массу твоих писем. С удовольствием читаю, что дети катаются на коньках. Чтобы Кирилочка не рвал каблуков, сделай ему очень низкие, и пусть прибьют крепче, а на коньках пусть катается. Как выходит это у Гени? Ейка действительно страшно смешная, судя по ее фразам и фокусам. У нас временно зима попробовала сдать, но надолго ли – не знаем… Здесь всё от ветра: подует он с севера – и вновь холодно… с юга – пахнет весной.

Крепко вас всех обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

31 января 1915 г.

Дорогая моя Женюрочка,

сегодня получил сразу восемь твоих писем, прочитал их сначала наскоро, а затем, при свободной минуте, как следует. Отвечаю на те вопросы, которые тебя наиболее волнуют: Осип – приказный и получил Георгиевскую медаль, Сидоренко – младший урядник и Георгиевский кавалер… я думаю, с них за глаза довольно. О том, что их кто-то может взять, думать не стоит: это все глупости, особенно же относительно Осипа. Здесь вообще некогда заниматься такими мелочами, да никто ими и не интересуется. Сплошь да и рядом, прибьется какой-либо солдат, а то и несколько, к нам из тех, что потеряли свою часть… берем его в полк и марш в бой… а часть уведомляем. Пошли же его дальше искать свою часть, и он вновь на целые месяцы был бы потерян для дела. Также и с Сидоренко; отпусти я его, когда он найдет свою часть и где он

ее найдет, а тут он мне нужен каждую минуту. Да наконец я только что (не более недели) отдал приказ о собственном учреждении, и только с этого момента я обязан формально отпустить Сидоренко.

Я в восторге от юбилейного значка; я сам думал об этом, комбинировал те же элементы, но или забыл тебе написать, или, может быть, даже написал, но ты не получила моего письма. Крепко целуй папу с мамой за их милую мысль и добрую об нас с тобой думу; вырву минуту и сам напишу, но пока совершенно не до этого. Я папе с мамой написал действительно (ухитрился) и не знаю, где это письмо до сих пор болтается. Это тем более досадно, что в письме я касался вопросов, связанных с отчетностью по приграничным делам, и советовался с ним, как быть.

Позавчера выслал Осипа; он сначала заедет в Каменец-Подольск, а затем к вам… пусть он остается, сколько тебе нужно. Из оружия, что он везет к тебе, большее папе, среднее Гене и малое Кирилочке… мальчики пусть поиграют, а затем надо смазать и повесить. На сторону подари разве только в крайнем случае, да и то не более одного экземпляра.

Ты редко получаешь мои письма, вероятно, не все доходят. В неделю я пишу два раза и каждый раз по два письма – закрытое и открытое по тому соображению, что первое запоздает и, может быть, не дойдет, а второе дойдет обязательно и довольно скоро. Если ты не получаешь, виноват кто-то другой, а не твой исправный и старательный муж. По твоим письмам вижу, что некоторые из моих до тебя не дошли… Что делать! Ты теперь получаешь 435 рублей (как ты и писала) и если расходы сведешь к 300 (не считая посторонних и экстренных), то это все, что и нужно, и то у тебя будет оставаться. Во всяком случае, я не вижу нужды, чтобы ты себя в чем стесняла. Я со своей стороны высылаю тебе в месяц не менее 300–400 рублей, так как более 50 рублей в месяц на себя истратить никак не могу.

Ты видишь, золотая моя женка, что, получив от тебя кипу писем, я могу отвечать только деловым тоном, чтобы ответить на твои вопросы.

Еще. У меня три верховых лошади: Галя, Легкомысленный и Орел, сажусь по очереди, смотря по дороге и другим соображениям. Орел – полковой, редкой красоты лошадь, но нежный и несколько слабоватый… парадный конь и потому более для мирного времени, так как тут парадиться некогда…

У меня приходит курьезная мысль: в последнее время в письмах тебе я привожу некоторые военные эпизоды из переживаемых нами. Не служит ли это причиной недохода некоторых из моих писем? Вскроют, прочитают… и используют для сообщений в газету, для статьи, для фельетона. Зачем изобретательному корреспонденту рисковать головой: сделайся своим человеком в цензурной комиссии – и материалу хоть отбавляй… Впрочем, может быть, это только моя фантазия и мои письма ты рано или поздно получишь.

Сейчас у нас Масленица, но наши продукты где-то застряли по дороге, и мы выполняем что-то среднее. Раз ели блины со сметаной, раз вареники… Ничего выходит. Послезавтра наступает Великий пост, и люди приступают к говению. Крепко вас обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Целуй папу с мамой и знакомых.

Шинель присылай, если найдешь… Государь ходит в солдатской шинели.

3 февраля 1915 г. [Открытка]

Дорогая Женюра!

Сегодня получил твою открытку от 17 января; два дня пред этим – письмо от 19 января. Сегодня исповедовался и причащался с третью своего полка. Молились усердно и так горячо,

как только люди молятся на войне. У нас сейчас оттепель и грязь; крестьяне говорят, что зима еще будет. Шли, моя золотая, ваши карточки, ты редко снимаешься. Карточки так дополняют все твои описания. Целуй папу и маму. Крепко вас обнимаю, целую и благословляю.

Ваш отец и муж Андрей.

Жду шинель.

3 февраля 1915 г.

Дорогая моя Женюра,

сегодня исповедовался и причастился с третью своего полка. Теперь я стал спокойнее. Разделил полк на три части и стал их пропускать на молитву, все время думал, что австрийцы не дадут… пока удалось. Теперь к посту приступает вторая треть. Молились мы очень усердно и старательно, как только молятся на войне или, по словам поговорки, на море; артиллерия вела свою музыку, день сиял прекрасный, и мы тесною толпой наполняли маленькую русинскую церковь; при словах «Господи, Владыко живота моего» могли земной поклон делать только передние…

Скоро к вам приедет Осип, сегодня он, вероятно, уже в Каменце, откуда он пошлет тебе телеграмму; приедет он раньше этого письма и будет вам обстоятельно все рассказывать; теперь он был недалеко от меня и ему было, что понаблюдать. У них с Сидоренко есть что-то вроде взаимного соревнования или зависти, и он нет-нет, да и пройдется по адресу Архипа. Ему неясно, по-видимому, одно, что Сидоренко был рядом со мною во все трудные минуты почти всегда, не бросил меня, когда многие бы это сделали, и это, понятно, ставит его в моих глазах на особое положение. Когда он тут рассказывает о наших приключениях, то слушатели только диву даются. Эту сторону дела Осип упускает из виду, и потому вся перспектива моего отношения к Сидоренке становится для него мутной.

У нас заявился Илько, мальчик лет 7–8, который живет то с денщиками, то с телефонистами; все его не только любят, но даже и балуют; теперь заняты все, чтобы сшить ему форменную одежду. Он приплелся из соседней деревни с раненым солдатом другого полка; солдат пошел дальше, а мальчик остался, так как устал, подошел к нашему часовому и начал плакать. Его увидел наш офицер и приспособил на денщицкую. Отец его давно в Америке, мать умерла. Когда его село начали бомбардировать, Илько вышел в поле и уцепился за раненого солдата… идти дальше нас по снегу у него не хватило детских сил, и он попал к нам. На другой день он чувствовал себя как дома, стал подметать комнаты и поступил к ребятам в науку, теперь уже знает всю «Словесность». Часто к нам доносится его детский голос, или повторяющий военные термины, или задающий вопросы. Один из офицеров (спорят двое) хочет его при первой оказии отправить к себе в Россию, куда Илько готов ехать с удовольствием.

А вот тебе еще эпизод. Человек пять (не моего полка) несут на позицию в свою роту хлеб, консервы и прочее, и вдруг в изгибе долины натыкаются на австрийский дозор. «Стой». Стали. «Идите к нам в плен, вы безоружные», – говорят австрийцы. «Что ж, – отвечают наши, – у вас ружья, а у нас хлеб и консервы… пойдемте к нам в плен: голодать не будете». Задумались. «Но нас больше», – надумали австрийцы. «Это верно, – говорят наши, – давайте покурим и помаракуем, как быть». Закурили. В это время показывается наш дозор, человек пять. «Что вы тут делаете?» – «Да вот, решаем, кому идти в плен». Рассмотрели дело вновь, и австрийцы повернули в нашу сторону.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.